

Софи Лейн

***Длинные тени
старых грехов***

Софи Лейн

Длинные тени старых грехов

«Издательские решения»

Лейн С.

Длинные тени старых грехов / С. Лейн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962906-7

Элизабет Велдон в поисках тихого местечка снимает викторианский особняк. По прибытии её встречает чета Фармеров — смотрители, охраняющие не только особняк, но и тайны, скрытые за его дверями. Вскоре девушке предстоит узнать о причинах трагической судьбы хозяев особняка и о зле, сотворенном много лет назад. А также испытать губительное соседство призраков, чьи страхи и после смерти продолжают их волновать. Длинные тени старых грехов, в них скрыты призраки прошлого, они могут дотянуться до живых.

ISBN 978-5-44-962906-7

© Лейн С.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Приезд	6
Глава 2. Экскурсия по дому	8
Глава 3. Первая ночь в особняке	12
Глава 4. День первый. Старые семейные альбомы	14
Глава 5. День второй. Попытка бегства	17
Глава 6. День третий. Кукла	19
Глава 7. Дневник	21
Глава 8. День четвертый. Потайная дверь	23
Глава 9. День пятый. Отражение	26
Глава 10. Артефакты	29
Глава 11. День шестой. Тайная комната	31
Глава 12. Видение	34
Глава 13. День седьмой. Приезд долгожданных гостей	37
Глава 14. Взаимные недомолвки	39
Глава 15. Экскурс в историю дома	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Длинные тени старых грехов

Софи Лейн

© Софи Лейн, 2023

ISBN 978-5-4496-2906-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Приезд

Утром в квартире молодой, начинающей писательницы Элизабет Велдон, раздался звонок. Поспешно подойдя к телефону, она сняла трубку:

– Мисс Элизабет Велдон?

– Да.

– С вами говорит агент по недвижимости. Кажется, мы нашли то, что Вы искали.

– Правда? Рада слышать. Когда я смогу осмотреть дом?

– Когда Вам будет удобно, дом готов к осмотру прямо сейчас. Вас будут ждать мистер и миссис Фармер, здешние смотрители. Они обо всем предупреждены и ожидают Вашего приезда.

Элизабет посмотрела на часы. Пол двенадцатого.

– Хорошо, диктуйте адрес.

По дороге к назначенному месту, Элизабет продолжала разговаривать с агентом по телефону:

– Это старый особняк викторианской эпохи, с использованием мотивов готической архитектуры, так называемое «готическое возрождение». Множество спален, детская, обширная библиотека, просторные залы, столовая, гостиная, картинная галерея, зимняя оранжерея, парковая зона. Эээ... только там немного запущенный вид. А так вполне пригодный для жизни особняк.

– А кто там жил раньше?

– Ну это давняя история. Эти люди уехали в другую страну. Сейчас там присматривают за домом мистер и миссис Фармер.

– Надо же, – подумала Элизабет, – уже несколько раз упомянул о смотрителях, а о хозяевах так толком ничего и не сказал. Что же там за история такая.

– Я кажется подъезжаю, – неуверенно пробормотала она собеседнику на том конце провода, завидев острый шпиль башни, выступающий из крон осенних деревьев.

– Всего доброго.

– До свидания.

С этими словами Элизабет заглушила мотор и вышла из машины.

Стоял ноябрь. На улице было прохладно. Элизабет запахнула пальто, защищаясь от холодного ветра. Воздух был свежий, после недавно прошедшего дождя. В нем витали ароматы травы и сырой земли. Солнечные лучи пробивались сквозь верхушки деревьев и слепили глаза, небо было чистое с таким прекрасным сизым оттенком, который бывает только после дождя. Листва на деревьях уже пожелтела, с веток капала вода.

Элизабет посмотрела на поместье. За старинной каменной оградой, покрытой мхом и зарослями плюща, среди кустов и деревьев заброшенного сада, она увидела дом. Стены его были каменные, построенные из больших серых блоков, покрытых мхом, влажных и холодных, как и фундамент, будто вставший в землю. Высокая крыша с крутыми скатами, врезалась в небо острым шпилем. Всем своим массивом дом, напоминал огромную скалу, гордо стоящую в одиночестве. Весь покрытый плющом и бурной растительностью, он одновременно был частью пейзажа, прекрасно гармонируя с природой и в тоже время он был чем-то чужеродным, зловеще затаившимся и поджидающим своего часа зверем. Размах архитектурной фантазии и изысканность деталей по началу восхитили Элизабет, но потом восхищение сменилось сарказмом:

– Ничего себе запущенный вид, капитальный ремонт не повредил бы.

Элизабет поехала и отворила кованную дверцу каменной ограды. Тут ее осенило. Это был черный вход, а вовсе не парадный:

– Интересно почему меня направили не к парадному входу?

Не успела она закончить мысль, как дверь заскрипела и на разбитых каменных ступенях она увидела две фигуры. Одна из них – высокая худая женщина лет за пятьдесят, с узким бледным лицом и длинным тонким носом. Вся ее фигура была вытянута и спокойна, а волосы убраны в пучок. Она стояла сложа руки с такой неподвижностью, с какой, пожалуй, могут стоять только статуи. Лишь на лице едва ли можно было заметить легкую улыбку, которую перебивал строгий не без подозрения изучающий взгляд. Немного позади стоял мужчина, на вид чуть старше, ниже женщины и полнее, но также с интересом смотрящий на Элизабет. Он переминался с ноги на ногу и было заметно как он нервничает. Молчание нарушило громкое старомодное приветствие:

– Добро пожаловать в поместье «Гренвилл», – произнесенное женщиной.

Элизабет сконфуженно улыбнулась и поприветствовала в ответ.

– Вы верно мистер и миссис Фармер?

– Да. А вы я так понимаю Элизабет Велдон? Знаменитая писательница.

– Да, только еще не очень знаменитая.

– О, уверяю Вас, этот особняк поможет раскрыть в трехкратном размере Ваш талант.

Как только она это договорила в конце аллеи что-то зашумело и громкий резкий загробный звук будто поднялся в воздух и на стремительной скорости начал раскатываться по всему парку, приближаясь к дому все ближе и ближе. Поднялся невообразимый ветер, который как гигантская волна, сбивал все на своем пути и двигался также по направлению к дому. Элизабет стояла на месте и не понимала, что происходит. Она слышала этот ужасный гул и чувствовала тревогу, как будто сама природа рассвирепела и собрала все свои силы. Холодный поток воздуха ударил ее в лицо и спутал волосы. Все тело будто сковал ледяной порыв ветра, пробирающий до костей. Миссис Фармер схватила Элизабет за руку и закричала:

– В дом, скорее в дом.

Мистер Фармер вцепившись в плечо жены бормотал:

– Спешите, спешите.

Преодолевающая силы ветра, им удалось закрыть дверь, и наконец все оказались в доме. Старая кованая дверь захлопнулась, и за ней остался свет.

Глава 2. Экскурсия по дому

Элизабет оказалась в узком темном коридоре, где пахло сыростью и пылью. Она обернулась и начала всматриваться вглубь коридора:

- Ничего не видно.
- Мистер Фармер принесите пожалуйста лампу, – произнесла смотрительница.
- Почему лампу? Нет электричества? – Спросила Элизабет.
- Да, пробки выбило во время грозы.
- И часто тут такое случается?
- Пробки? Иногда во время грозы.
- Нет, миссис Фармер. Я говорю не о пробках. Я говорю об этом страшном гуле.
- Вздор, это всего лишь ветер.
- Тогда почему вы так испугались?
- А вот и мистер Фармер с лампой. Сейчас я зажгу свет.
- Ясно, – подумала Элизабет, – не хочет отвечать. Уже вторая странность, хотя я пробыла здесь не больше полчаса.

Ощущая недоверие и враждебность исходящее от миссис Фармер, Элизабет неосознанно отпрянула от смотрительницы и повернулась лицом вглубь коридора. Пройдя вдоль стены, в полумраке она заметила картины, висящие по обеим сторонам коридора. Это были портреты каких-то людей, детали было не разобрать. Элизабет встала возле одной из них и попыталась разглядеть изображенного на ней человека, как вдруг за спиной появилось слабое свечение. Вскоре свет стал усиливаться, все больше освещая картину. И она услышала голос возле своего уха:

– Вам нравятся портреты? В 18—19 веках в английской живописи особое место уделялось портрету, – это был голос миссис Фармер, подошедшей к Элизабет с уже зажженной лампой.

Элизабет улыбнулась и ответила:

- Я обожаю портреты, впрочем, как и живопись.
- Должно быть Вы устали с дороги, могу я предложить чай?
- Да, пожалуйста, я бы не отказалась.

И обе женщины направились в гостиную.

Гостиной было светлое помещение с удобными креслами, диваном, большими окнами и уютным камином. На каминной полке стояли рамки со старинными черно-белыми фотографиями, маленькая шкатулка и вазочка, над камином висел портрет мужчины и женщины. Они были молоды и похоже счастливы, так как лица их светились улыбками. Сидели они рядом, слегка развернувшись друг к другу и держались за руки.

– Это мистер и миссис Гренвилл, – сказала миссис Фармер, заметив интерес Элизабет.

– Расскажите мне о них, – попросила девушка.

– Это давняя история, пожалуйста, присаживайтесь, – предложила миссис Фармер указывая на кресло возле камина.

Всё уже было готово для чаепития. На кофейном столике стоял старинный фарфоровый чайник и выпускал клубни ароматного пара, а рядом изящные фарфоровые чашки того же сервиза, на тарелках лежали сэндвичи с различными начинками, в небольшой пиале манил клубничный джем. Элизабет нерешительно подошла к предложенному креслу и осторожно присела на краешек.

- Угощайтесь милая! – Добродушно улыбнулась миссис Фармер.
- Благодарю! – Смущенно пробормотала Элизабет.
- А вот и мистер Фармер к нам присоединился.

И вся компания дружно уселась в глубокие кресла возле камина и принялась с наслаждением вкушать ленч с любовью приготовленный хозяйкой. Отхлебывая из чашки Элизабет не сводила глаз с четы Фармеров.

– Нет, ну ты глянь на них, сидят себе, пьют чай, будто ничего необычного не случилось, – удивлялась Элизабет, – а как же тот чудовищный шум в парке, который их так перепугал, от чего он, и почему они его так напугались, хотя сейчас делают вид, что ничего не произошло.

Чтобы нарушить неловкое молчание или заметив испытывающий взгляд Элизабет, миссис Фармер завела разговор о пробках и проводке в старом доме, сетуя на неудобства, и тут Элизабет осенило:

– Погодите, ведь если в доме выбило электричество, как я буду заряжать свой телефон?

– О не волнуйтесь милая, будь здесь электричество, Вы все равно не смогли бы позвонить.

– Почему?! – Удивленно воскликнула Элизабет.

– Потому, что связь здесь все равно не ловится, – слегка приглушённо констатировала миссис Фармер с едва заметной хитрой улыбкой.

– Но как же мне связываться с городом?

– Никак, – снова с полуулыбкой произнесла миссис Фармер.

– Вредная старуха, – подумала, разозлившись Элизабет.

– Еще не поздно уехать, – тихо произнесла смотрительница, переводя многозначительный взгляд на девушку.

Элизабет прищурила глаза и помолчав ответила:

– Обойдусь без телефона.

Произнеся эти слова, она сразу же пожалела, но ей так хотелось стереть ухмылку с лица миссис Фармер, потому искушение оказалось слишком соблазнительным. Тем более Элизабет показалось, что супруги Фармер недооценивают её и считают глупой ни к чему не приспособленной горожанкой и желая им доказать, что ей не слабо, Элизабет поддалась на искушение.

– Тогда лучше я покажу вам дом? – Вдохнув произнесла миссис Фармер и засеменила, недовольно бормоча себе под нос, в сторону двери.

– Да, это было бы неплохо, – произнесла с улыбкой Элизабет.

– Начнем с холла, – бодро объявила миссис Фармер.

Они вместе удалились из гостиной. Помещение холла было отделано панелями орехового дерева, паркетный пол украшен искусным узором. Через узкие высокие окна в холл проникал свет, ложась на пол тусклым мистическим свечением. В центре располагался большой мраморный камин, украшенный по обеим сторонам фигурами изможденных атлантов. По всему периметру зала висели большие, в человеческий рост, портреты, обрамленные в тяжелые золоченные рамы. Потолок холла венчал высокий готический свод. А прямо под ним висела великолепная люстра венецианского стекла. Переливаясь всеми цветами радуги, она оставляла множество легких бликов на покрытых лаком стенах холла.

– Жаль, вы не видели ее, когда она зажжена, – произнесла миссис Фармер, – Вы бы оценили ее по достоинству. Помещение зала наполняется мягким, нежным светом. Свет будто ярусами заполняет пространство зала. От потолка, ярко освещенного, до пола, где свет ложится мягкими полутонами.

На второй этаж вела огромная дубовая лестница, которая мягко поскрипывала при ходьбе по ней. Перила лестницы были украшены великолепной резьбой и даже местами еще поблескивали лаком.

Элизабет стояла завороженная всем этим великолепием и не могла произнести ни слова. Весь ее разум был охвачен необъяснимым трепетом и мистическим страхом. Осмотрев холл, Элизабет и миссис Фармер отправились в столовую.

Интерьер столовой был также изысканен: мраморный пол; стены с дорогими обоями китайского шелка; высокие широкие окна, обрамленные бархатными шторами, с золоченой

бахромой, перевязанные золотыми шнурами; стол из красного дерева с резными ножками; стулья с высокими резными спинками и бархатными сиденьями; большой камин из белого мрамора.

Затем последовал осмотр кухни, мелких комнат и они подошли к галерее. Это было длинное помещение со множеством больших широких окон и мраморным полом. В промежутках между окнами висели картины, огромные холсты с изображениями на различные темы. Все полотна были написаны с удивительным мастерством, каждая деталь была досконально прописана рукой неизвестного мастера.

Затем Элизабет и миссис Фармер подошли к библиотеке. Библиотека была квадратным в плане помещением, усеянным книжными шкафами. По всему периметру, от пола и до потолка шли высокие длинные шкафы. Для удобства рядом стояла передвижная металлическая лестница. В центре одной из стен находилось большое окно витраж с каким-то изображением, а прямо напротив камин. В центре комнаты стоял большой старый глобус. По центру другой стены находились стеклянные двери, ведущие в зимнюю оранжерею, под огромным мутным от пыли времен куполом. Пол в оранжерее был выложен искусной мозаикой, а в центре стоял маленький фонтанчик, с чашами: одна в другой. Все растения в оранжерее конечно приводили в уныние, так как завяли еще много лет назад, а некоторые и вовсе превратились в пыль.

После осмотра первого этажа Элизабет и миссис Фармер приступили ко второму. Бегло пересмотрев множество спален, в том числе хозяйскую, миссис Фармер и Элизабет подошли к очередной двери. Взявшись за ручку, девушка попыталась открыть её, но дверь не поддавалась.

– Эта комната уже давно закрыта, должно быть очередная спальня, – как бы между прочим бросила миссис Фармер, стараясь произносить слова на сколько можно безразлично. Элизабет подметила это интересное наблюдение, но виду не подавала, запомнив, тем не менее, расположение этой таинственной недостижимой двери.

– Осталась лишь детская, – констатировала миссис Фармер. И обе женщины направились в конец коридора.

Войдя в комнату Элизабет подметила полумрак помещения. Сквозь маленькие окна струился слабый тусклый свет. Маленькая кроватка со смятой постелью, шкафчик с одеждой, маленький сундучок. На стене располагались полки с игрушечным замком, мягкими игрушками и куклами, с фарфоровыми лицами, маленькими шляпками, сидящими в дивных кружевных платьях. На полу была разложена игрушечная железная дорога, с паровозиком и маленькими вагончиками.

Элизабет охватило ощущение, будто ребенок только что вышел из комнаты и сейчас вернется, продолжит игру, но унылая обстановка и слой пыли выдавал давность кажущегося момента.

Внезапно она почувствовала легкий ветерок и что-то как будто прижалось к ней. Элизабет посмотрела вокруг себя, но ничего не увидела. Она услышала глухой стук, обернувшись заметила лежащую на полу куклу. Девушка подошла и подняла ее: это была обычная старая кукла с каштановыми кудрями и большими синими глазами в изрядно истрепанном платье. Все в этой кукле было обычным, кроме невероятно печального взгляда. Она будто смотрела на всех своими стеклянными глазами и все понимала:

– Она свидетель тех давних событий, – произнесла Элизабет и посадила куклу на кровать. Вместе с миссис Фармер они вышли из комнаты и захлопнули дверь.

– Теперь кажется мы все Вам показали и можем идти. Смотрители здесь больше не нужны – сказала миссис Фармер, надевая пальто.

– Мы больше не увидимся?

– Нет, почему же, мы будем заходить раз в неделю по воскресеньям, проводывать. Вы ведь не купили этот дом, а снимаете.

С этими словами мистер и миссис Фармер вышли за порог, и Элизабет захлопнула дверь. Она обернулась лицом к холлу и произнесла:

– Теперь я здесь совершенно одна.

Глава 3. Первая ночь в особняке

Уже был поздний вечер, на улице стемнело, а потому залы и комнаты были наполнены мраком. Элизабет взяла лампу и медленно, пройдя через холл под дрожащим светом фитиля, подошла к лестнице. Ей было не по себе. Может от того, что не было электричества и она вынуждена ходить в полумраке, а может из-за того, что ей все время казалось будто кто-то за ней наблюдает, например, эти огромные портреты, или от того, что она осталась одна в этом старом мрачном доме. Но в любом случае лучшее, что ей пришло в голову это подняться наверх, в спальню и запереться. Она так и сделала, быстро вбежала вверх по лестнице, стремительно миновала коридор, а оказавшись в своей спальне, захлопнула дверь. Еще некоторое время она стояла возле двери, прижавшись и прислушивалась. Потом обернулась и увидела чемоданы, лежавшие на кровати:

– Должно быть мистер Фармер отнес их сюда, когда я вместе с миссис Фармер осматривала дом.

Элизабет стала внимательно изучать комнату: высокая кровать с бархатным балдахином, держащимся на резных деревянных стойках, искусно вышитая шелковая постель; большой платяной шкаф, украшенный резьбой; и инкрустированный слоновой костью; туалетный столик, также украшенный резьбой и инкрустацией, на котором стояли красивые резные шкатулки и маленькие флакончики разной формы, гребень и зеркало. В углу спальни стояла ширма, обтянутая бархатом, на окне шторы, также бархатные. В комнате располагался камин, украшенный по обеим сторонам, фигурами греческой богини Афродиты.

После осмотра спальни Элизабет разобрала вещи и легла в постель. Ей не спалось, ее мучило странное чувство беспокойства, она ворочалась в кровати, будто ей было душно. Тогда девушка встала, зажгла большой бронзовый подсвечник, стоящий рядом с кроватью на тумбочке и принялась записывать все, что с ней случилось в этот долгий день, насыщенный столь необычными событиями. Внезапно на улице начался дождь, который с каждым часом усиливался, казалось, что он никогда не кончится. А затем прогремел гром. Элизабет стало не по себе. Она сидела на кровати, поджав колени к груди, и прислушивалась, как капли ливня барабанили по крыше и подоконникам.

Вдруг в шуме дождя девушка услышала еще какой-то звук, он не был похож на гром. Скорее размеренный стук, повторяющийся спустя определенный промежуток времени. Несколько минут Элизабет продолжала сидеть и прислушиваться. Затем встала и медленно подошла к двери. Прислонив ухо, она услышала: бах, бах, бах. Элизабет приоткрыла дверь дрожащими руками и стала вглядываться в темноту, будто хотела что-то разглядеть, сквозь толщу мрака. Затем она вышла в коридор с лампой в руках и пошла вдоль стены. С каждым шагом ее босые ступни касались ледяного пола и ее пронзал холод. Темный коридор вывел ее к узкой винтовой лестнице. Элизабет ступила на лестницу, и та заскрипела противным металлическим звуком.

– Должно быть шурупы развинтились, – подумала Элизабет.

Она стала медленно подниматься, а лестница под ее ногами шаталась, издавая жуткий скрежет. Когда девушка достигла верха, ее глазам открылась панорама чердака. А источником неприятного стука оказалось распахнутое слуховое окно, хлопающее от потоков ветра. Элизабет осмотрелась на чердаке, заметила старые вещи, лежавшие там: сломанные игрушки, стопка перевязанных газет, старая порванная мебель, круглые коробки из-под шляп, в углу стояла детская лежащая коляска – все эти вещи были беспорядочно свалены на чердаке и давно забыты. Слой пыли свидетельствовал, что ими не интересовались уже много-много лет.

Элизабет подошла к распахнутому окну и попыталась закрыть его, но тщетно, тогда она стала искать защелку. Окно было маленьким и круглым и наконец, обнаружив задвижку она закрыла его. Ее внимание привлекла какая-то надпись, нацарапанная на раме, девушка под-

несла лампу поближе и вдруг заметила промелькнувшее отражение кусочка белой ткани в окне. Элизабет резко обернулась, но за спиной ничего не было. Она испуганно воскликнула:

– Кто здесь?

Никто не ответил, лишь в глубине чердака, что-то зашуршало. Элизабет стало страшно, она быстро побежала по направлению к выходу и стала торопливо спускаться. Лестница раскачивалась, все больше и больше издавая длинный протяжный скрежет. Тем временем, на чердаке что-то застучало по полу. Дыхание Элизабет становилось все громче, ее нервы не выдерживали. Как только ее ноги коснулись пола, она изо всех сил побежала по коридору в спальню и захлопнула дверь.

Глава 4. День первый. Старые семейные альбомы

Элизабет проснулась около одиннадцати. Как только она открыла глаза, то сразу с ужасом вспомнила прошедшую ночь, а также что заснула она где-то в пять, когда уже светало. Может быть потому, что с первыми лучами утреннего солнца девушка почувствовала себя в большей безопасности или просто от изнеможения сон всё же настиг её. Она медленно и неохотно сползла с кровати, оделась и осторожно вышла за дверь.

Стоя в коридоре, она пару минут прислушивалась, а затем, убедившись, что все в порядке, отправилась на кухню. Если честно, придя на кухню, Элизабет не рассчитывала найти там запасы еды, но когда она открыла верхний шкафчик буфета, то изумилась добротой миссис Фармер. Он был доверху забит продуктами: консервами, печеньем, чаем, баночками с джемом и так далее. Во время завтрака Элизабет не могла избавиться от навязчивого желания изучить чердак. Так что после завтрака она отправилась именно туда.

Подойдя к лестнице Элизабет помедлила, затем переборола свой страх и ступила на первую ступеньку, лестница протяжно скрипнула и медленно начала раскачиваться. В отличие от прошлой ночи, когда вокруг был непроглядный мрак, сейчас Элизабет могла с ужасом наблюдать как парит над полом описывая вместе с лестницей плавные завитки и дуги. Она терялась в решении, что страшнее, болтаться на стальных тросах, словно безвольная марионетка в руках кукловода при свете дня или же рассекать холодный ночной воздух темного коридора в одной ночной сорочке среди ночи. Все же в темноте она не видела так угрожающе отдаляется пол, тогда как сейчас при свете дня при каждом взгляде вниз Элизабет охватывал панический страх сорваться и кубарем полететь с лестницы. А может быть даже упасть вместе с ней, в этом случае шансов на выживание точно бы не осталось, так как падая, лестница сложилась бы как распахнутый веер и погребла бы под собой хрупкое девичье тельце. Так рассуждая, ступенька за ступенькой, она добралась до самого верха.

Надо сказать, что в свете дня чердак не казался таким страшным, как это было прошлой ночью. Но Элизабет было все-таки не по себе из-за странного шума, поэтому она осторожно начала движение в глубь чердака попутно озираясь вокруг. При свете дня нагроможденные предметы уже не были похожи на исполинских чудовищ, и не отбрасывали пугающие огромные тени. Скорее Элизабет попала на склад забытых и не нужных вещей. Осматривать предметы было весьма занятно. Поначалу ей попадались ненужные вещи, старые газеты и всякий хлам. Но потом ее внимание привлекло нечто интересное: это был старый толстый семейный альбом. Каждая фотография в нем была по-своему уникальна, на каких-то были запечатлены великолепные приемы, где-то парные фотографии, где-то охота, а где-то даже слуги. Но некоторых фотографий не хватало.

– Интересно, зачем кому-то понадобилось вынимать фотографии, – подумала Элизабет.

– Ещё одна загадка, – отметила она про себя.

Проведя некоторое время на чердаке, она нашла еще несколько альбомов и внимательно рассмотрела каждый из них. Потом Элизабет подметила, что на чердаке стало темнее. Взглянув в слуховое окно, она увидела зарево заходящего солнца над макушками деревьев.

– Солнце заходит, здесь будет не безопасно, надо скорее спуститься, – подумала она.

Вспомнив вчерашний шорох на чердаке, она собрала альбомы и стала осторожно спускаться по лестнице, опасаясь наступления темноты. И без того качающаяся лестница начала издавать истошные скрипы похожие на крики раненого животного, тросы напряглись ещё сильнее.

– Еще немного и тросы оборвутся, – взволновалась Элизабет.

Подниматься, да и спускаться по качающейся во все стороны лестнице было и без того тяжело, теперь же с увесистым грузом в руках Элизабет едва могла двигаться. Превозмогая

сильнейшие затруднения она, вцепившись в альбомы, старалась переносить ноги как можно осторожнее, от чего общая скорость движения замедлялась. Подавшись спиной назад и выпятив кипу прислоненных к груди книг, она медленно ступала, ступенька за ступенькой вниз.

Внезапно лестница резко качнулась, и Элизабет потеряв равновесие, выпрямилась, а затем стопка альбомов в её руках резко потянула её вниз. Лестница издала громкий протяжный скрип, и Элизабет быстро опрокинулась вперед, начав падать. Сердце забилося в бешеном темпе, словно она бежала марафон, кровь застучала в висках. Элизабет в попытке удержаться отпустила руки и альбомы со страшным грохотом рухнули на темный паркет, разлетевшись на несколько ярдов. Многие фотографии вылетели из альбомов и кружили вихрем вокруг лестницы.

Девушка обеими руками ухватила за перила и крик ужаса, сорвавшийся с её губ, эхом прокатился по молчаливому дому. Должно быть, этот крик отозвался в каждой пустой зале погрузившегося во мрак старого особняка. Элизабет предотвратила своё падение, но лестница продолжала сильно раскачиваться над полом, растревоженная рухнувшими альбомами.

Немного отдышавшись у Элизабет потемнело в глазах, и она, замерев на месте, не смела шелохнуться, как насекомое застигнутое врасплох древесной смолой и теперь навеки застывшее в золотистом янтаре. Немного погодя зрение снова вернулось к ней, но Элизабет все ещё боялась двинуться с места, уставившись обезумевшим взглядом в пол.

Неизвестно сколько бы она ещё так простояла если бы не воспоминание о том, что с наступлением темноты чердак становится опасен, а значит и лестница, ведущая на чердак небезопасна и лучше бы убрать подобру-поздорову пока ещё не слишком поздно. Поэтому Элизабет начала медленно сползать с лестницы обхватив руками перила, словно они были ей родные. Судорожно переставляя ладони, она ползла к долгожданному подножию лестницы, словно улитка по овощной грядке с неизменным упрямством и настойчивостью.

Оказавшись внизу девушка упала без сил на пол и лежала так некоторое время, глядя на верхнюю площадку лестницы. Внезапно её посетила неприятная мысль. А что, если лестница после испытания на прочность решит вдруг рухнуть прямо на неё, это заставило Элизабет стремительно отползти, попутно подхватывая попадающиеся на пути фотографии и альбомы. Окончательно убедившись, что опасность миновала, девушка сгребла остальные альбомы и фотографии и направилась в гостиную, облокачиваясь для верности плечом о стену.

Там она разожгла камин. И устроившись поудобнее, старалась успокоиться после пережитого испытания. Немного придя в себя Элизабет стала повторно рассматривать альбомы, попутно стараясь восстановить правильный порядок страниц и фотографий. Время было позднее, Элизабет клонило ко сну. В камине догорали, мягко потрескивая поленья, и вся комната была наполнена полумраком. На стенах то и дело отражались рефлексy огня.

Элизабет сидела в кресле поджав ноги под себя и подперев тяжелую от усталости голову рукой. Веки ее совсем отяжелели и наконец, она закрыла глаза. Ее разум погрузился в сон, когда она услышала тихий шорох за спиной. Вздрыгнув, девушка резко обернулась. Последнее что она заметила, был кусочек белой ткани, скрывшийся за поворотом. От неожиданности Элизабет вскочила с места и замерла, прильнув к спинке кресла. В гостиной больше ничего не происходило. Опомившись от временного ступора, она быстро побежала к дубовой лестнице.

Оказавшись на втором этаже, она бежала со всех ног, как вдруг почувствовала, что споткнулась и теряет равновесие. Как только ее тело ударилось о пол, над ней будто что-то пролетело с ужасным, толи стоном толи воем и скрылось за поворотом.

Элизабет поспешно встала и побежала в спальню. Оказавшись в комнате, она захлопнула дверь. Еще некоторое время она стояла, прислонив ухо к двери и прислушивалась: в коридоре было тихо, как вдруг что-то с силой ударило в дверь. Элизабет вскрикнула и отбежала в глубь комнаты. Затем все стихло.

За окном снова пошел дождь, снова началась гроза. Элизабет лежала в постели и все, о чем она думала, была мысль, что завтра она соберет вещи и уедет из этого проклятого дома навсегда. Через пару часов снова как прошлой ночью с чердака стали доноситься шорохи. Элизабет залезла с головой под одеяло и так лежала до самого утра, не сомкнув глаз.

Глава 5. День второй. Попытка бегства

Наступило утро. Элизабет проснулась, но ей не хотелось вылезать из-под одеяла, так как в доме было очень холодно. Некоторое время она продолжала лежать с закрытыми глазами. Потом, наконец, открыла их и увидела на себе второе одеяло, заботливо подотканное под подушку. Она ясно помнила, что вчера, когда легла в постель, одеяло было одно. А когда среди ночи похолодало, Элизабет предпочла свернуться калачиком и мерзнуть, так как выходить за пределы спальни в поиске одеяла – ей казалось сумасшедшей идеей. В недоумении она встала, не отрывая глаз от одеяла, а затем заметила ту самую куклу, которую недавно видела в детской. Кукла сидела на кровати рядом с подушкой Элизабет у изголовья.

– Может это сделала миссис Фармер? Тогда они здесь, мистер и миссис Фармер?

Элизабет обрадовалась, но подбежав к двери, вспомнила, что она заперта. Миссис Фармер не могла пройти в спальню, ведь дверь закрыта изнутри. С осознанием этой простой истины в душу Элизабет закрался страх.

Не понимая, что происходит, она быстро оделась и спустилась вниз, уверенная, что после завтрака соберет вещи, доедет до ближайшего мотеля, позвонит в агентство по недвижимости и устроит им взбучку. Элизабет так и сделала. Спустилась на кухню, быстро поела, затем снова поднялась наверх, собрала вещи и направилась к машине.

Выйдя за порог дома, она ужаснулась. Похоже, дождь прошлой ночью сопровождался градом, так как дорожки в саду были похожи на месиво грязи, а обложенная камнем площадка перед домом усеяна осколками льда. Элизабет поначалу застыла в недоумении, но затем собрала всю свою волю в кулак и решила, что выберется из этого мрачного дома, чего бы ей это, ни стоило. Она взяла чемоданы и осторожно пошла в сторону машины. Ноги то и дело разъезжались, утопая в грязи, но Элизабет все равно шла, не обращая внимания на испачканную одежду.

После того как она погрузила вещи в багажник и села за руль, беспокойство будто растворилось. Девушка медленно поехала в сторону ворот. Машина то и дело застревала, но потом снова ехала, однако приблизившись к самим воротам, машина вновь застряла. Элизабет жала на газ, но толку было мало, колеса все глубже и глубже закапывались в грязь, совсем разочаровавшись она продолжала жать на газ, но уже не надеялась уехать, а скорее от злобы и отчаяния. Спустя какое-то время, осознав тщетность своих действий и примирившись с жестокой судьбой, девушка вышла из машины посмотреть на колеса своего автомобиля. Но вид зарывшихся почти полностью в грязь колес только еще больше огорчил ее. Элизабет всплеснула руками и обратив взгляд к небу громко пронзительно закричала. Ей пришлось вернуться в особняк.

Когда перепачканная в грязи обессиленная она добралась до дома, волоча за собой два огромных чемодана, она рухнула на пол в холле и долго лежала. Потом с трудом отдышавшись начала плакать, звуки всхлипов и стонаний раскатывались эхом по огромному холлу. За окном стемнело, наступил вечер, ее плач стал заглушать вновь начавшийся дождь. Элизабет вскочила с пола подбежала к окну, и беспорядочно забарабанила по подоконнику кулаками, закричав:

– Будь ты проклят чертов дождь и это гнилое поместье. Хотя это поместье уже проклял кто-то до меня.

С этими словами Элизабет едва успела обернуться и взять чемоданы, как на втором этаже возле лестницы раздался страшный грохот. Ужасный шум был похож на треск ломающихся деревьев. Отвратительный громкий звук будто приближался к холлу, словно мощный вихрь в лесу, выворачивающий с корнем деревья, попавшийся ему на пути.

Элизабет стояла на месте, застыв как статуя не смея сдвинуться с места, ее заплаканное лицо приобрело мраморно белый оттенок. Тем временем ужасный скрежет достиг холла. Элизабет не поверила своим глазам, когда увидела, как дубовая лестница прогнулась, будто

под огромным весом, хотя никакой видимой причины этому не было. Опомнившись девушка быстро побежала по направлению к гостиной. Едва оказавшись в помещении, она захлопнула дверь. Страшный грохот прошел по коридору, миновав гостиную и стих в противоположном крыле дома.

Элизабет перевела дух и повернувшись лицом вглубь комнаты осмотрелась. Её взгляд привлёк портрет, висящем над камином. Портрет мистера и миссис Гренвилл, первых хозяев поместья. Девушка подошла ближе стараясь в вечернем полумраке лучше рассмотреть картину. Она стала внимательно разглядывать лица изображенных. На мгновение ей показалось будто молодожёны смеются над ней. Элизабет списала все на сумрак, который царил в гостиной, но после того как она разожгла камин и поднесла поближе зажженную лампу ее опасения подтвердились: на лицах молодоженов была явная ухмылка, больше походившая на оскал, а в глазах будто горели искорки ненависти. Элизабет испугалась и отпрянула назад, но затем осмелев она снова подошла вплотную к портрету и прошептала:

– Я не знаю, что здесь твориться, но вы зря ухмыляетесь, я разберусь в том, что происходит в этом доме.

Глава 6. День третий. Кукла

На следующее утро Элизабет встала рано, поела и тут же отправилась всё осмотреть. Сперва она решила снова посетить чердак, вновь перерыла весь хлам и нашла дневник миссис Гренвилл, затем вспомнила ту ночь, когда первый раз попала на чердак и заметила надпись на раме распахнутого окна. Подойдя к окну, она присмотрелась и с немалым усердием смогла прочесть:

«Спи малышка засыпай
Ни о чем не вспоминай.
Пусть тебе приснится фея
Успокоит, обогреет.
Спи малышка засыпай,
Каждый день к утру вставай.
Завтра новая игра
Поспешит вся детвора
Дивный сказочный сюжет
Нам игра поведает
Укажи лишь только раз
Лику, скрытому от глаз»

Элизабет не знала, что значат эти слова. Может быть, они ничего не значат.

– Может это просто детская песенка, – думала она про себя. И все же Элизабет взяла лист и карандаш и записала слова, нацарапанные на раме. Вопрос, который больше всего ее волновал – «Кто написал эти слова и зачем?».

Затем взяв дневник, она спустилась с чердака. Весь последующий день, девушка осматривала второй этаж: спальни, маленькие комнаты, коридорчики. Осмотрев комнаты, Элизабет поняла, что спальня, в которой она остановилась – хозяйская, ей показалось это странным, так как миссис Фармер, когда показывала дом, обмолвилась, что гостевая комната готова. Но вещи Элизабет были отнесены в хозяйскую спальню. Также было странно, то что шкаф и тумбочки в гостевой были полностью пусты, будто специально освобождены, а в хозяйской, в шкафу висели старинные платья и тумбочки были заняты шкатулочками и разными флакончиками. И последнее, но не менее важное: постель в хозяйской спальне была явно того времени – искусно вышитая простыня, наволочки и пододеяльник ручной работы. А в гостевой постель была новая и современная, фабричного производства без всяких вышивок и явно не была шелковой.

Мысли Элизабет были наполнены разными предположениями, но не одно из них не объясняло полностью всю сложившуюся ситуацию:

– Может миссис Фармер готовила гостевую, но потом забыла, или мистер Фармер перепутал и отнес мои вещи не в ту комнату. Но если бы только это было странным.

Элизабет вернулась в спальню в которой остановилась, взяла куклу, непонятно каким образом оказавшуюся в ее постели и направилась с ней в детскую. Подойдя к двери, девушка остановилась, вспомнив, что произошло прошлый раз, когда она была в этой комнате, но потом взялась за ручку и дверь медленно отворилась.

В помещении ничего не изменилось: тот же полумрак, маленькая кровать со смятой постелью и по-прежнему пристально глядящие стеклянные глаза кукол с печальными фарфоровыми лицами.

Элизабет осторожно вошла и дверь с незаметным скрипом захлопнулась. Сердце застучало сильнее. По спине побежали мурашки:

– Как же неприятно находиться здесь. Такое ощущение, что кто-то наблюдает, – подумала Элизабет.

Девушка сделала еще один шаг вперед, как вдруг страшное жужжание нарушило тишину комнаты. Вздвогнув она посмотрела вниз. На полу, перевернутый на бок, лежал паровозик. Его маленькие колесики быстро крутились, издавая противный звук. Ступня Элизабет стояла прямо на рельсах игрушечной железной дороги, присев она подняла паровозик и заметила торчащий сбоку маленький ключик. Когда она повернула его, колесики перестали вращаться и неприятный звук прекратился.

Элизабет встала, осторожно подошла к кровати и посадила куклу у изголовья. Как только ее ладони прикоснулись к постели, что-то с невероятной силой схватило ее за запястье и сильно сжало. Так сильно, что девушка закричала. Вдруг она почувствовала холодное дыхание возле уха и тихий тонкий голос прошептал:

– Осторожно. Ты слишком близко.

Сердце Элизабет забилося в груди как редкая птица в руках птицелова. Она хотела бежать, но не могла: нечто невидимое продолжало сжимать ее запястье, а тело будто парализовало от холода. Еще некоторое время девушка продолжала стоять и дрожать, но потом почувствовала, как невидимая рука, медленно разжимает ладонь. Как только Элизабет почувствовала свободу, она немедленно выбежала из комнаты громко захлопнув за собой дверь. Придя в свою спальню первым делом, она зажгла лампу так как на улице было уже совсем темно. В голове звучали слова: «Осторожно, ты слишком близко».

Чтобы это значило? Кто это сказал? Вот главные вопросы, на которые пока не было ответа. За окном стало совсем темно и Элизабет легла в постель. Она ворочалась и никак не могла забыть тех слов, а потом и вовсе желание спать отпало так как было не по себе от мысли, что кто-то ночью может прийти, не взирая на запертые двери и замки, не смотря на стены, преграждающие путь. Как прошлой ночью, когда обнаружилась кукла.

Глава 7. Дневник

В голове Элизабет роилось множество мыслей, но, ни одна не волновала ее так, как ощущение чего-то упущенного. Поэтому недолго думая она встала с кровати, зажгла подсвечник и под дрожащим светом свечи принялась читать дневник миссис Гренвилл.

Начало дневника было весьма жизнерадостным. На первых страницах была описана свадьба мистера и миссис Гренвилл. Молодая жена писала, как сильно любит своего мужа и как они счастливы быть рядом. Сколько радости приносит один лишь взгляд возлюбленных друг на друга. В этом счастливом состоянии брак продержался десять лет. Затем Джонатан Гренвилл тяжело заболел, а спустя пару месяцев умер. Но еще до болезни супруга, Оливия Гренвилл, встретила таинственного господина, который сразу вызвал ее интерес, но узы брака сдерживали миссис Гренвилл от неразумных поступков.

«Впервые я увидела его на одном из балов, проводимом моим мужем. Он стоял с бокалом вина облокотившись возле камина с дерзкой улыбкой на устах и дьявольским пламенем в глазах. Что-то в нем сразу показалось мне отталкивающим, но в тоже время мною завладело непреодолимое желание познакомиться с ним, узнать его поближе... Он стоял возле камина и смотрел на меня, прямо мне в глаза, будто пытаюсь заворочить одним лишь взглядом. Черные угли его глаз казалось, глядят прямо в душу, и всё знают обо мне без слов. По всему моему телу пробежала дрожь, и я смущенно отвела глаза, но затем снова посмотрела на него и поймала на его лице ухмылку, дерзкую и вызывающую, ведь любой из гостей мог увидеть и понять...»

Здесь текст прерывался. Затем шли записи за другой месяц. Читая их Элизабет, узнала, что между миссис Гренвилл и таинственным незнакомцем завязался роман. По началу Оливия отталкивала эти чувства, говорила, что не может предать мужа, но потом их роман развивался стремительно. Миссис Гренвилл описывает их встречи, тайные любовные записки, взгляды украдкой на балах.

Но постепенно душа Оливии истерзанная муками совести не выдерживает и на одном из свиданий она рассказывает своему возлюбленному, что так не может продолжаться, ей кажется, что муж обо всем знает и иногда по утрам она ловит взгляд презрения и ненависти на себе. Когда он целует её, ей кажется будто это не он, а не трудно догадаться кто, и каждый раз она чувствует отвращение к себе за то, что обманывает, за то, что уже не любит так как раньше и никогда уже жизнь не сможет стать прежней. Она слышала, будто слуги говорили о ней шепотом и смеялись.

Все эти внезапные изменения в ее жизни сильно обеспокоили и отдалили от окружающих. На балах миссис Гренвилл все время казалось, что все говорят о ней, шепчутся за спиной, осуждают, будто окружающие все видят и знают об ее измене. Не выдержав такой обстановки, Оливия решительно заявила своему любовнику, что отныне не будет приходить на свидания и отвечать на письма. Также она просила не приходить к ним домой и не искать повода для встречи. Последнее что она сказала ему:

«Я не горжусь поступком, который я совершила и вряд ли когда-нибудь смогу посмотреть без стыда в глаза мужа, но каждый оставшийся день в моей жизни будет прожит в мольбе и надежде о прощении».

Затем миссис Гренвилл ушла. Здесь запись обрывается, и следующая запись датируется двумя месяцами позже. Оливия пишет о своей жизни, все якобы наладилось. Судя по записям, у нее оказывается одиннадцатилетняя дочь. Миссис Гренвилл хорошо проводит с ней время, гуляет в парке по утрам, покупает кукол, разучивает стишки и песенки.

Но одно странно. Если все так хорошо, почему она ничего не писала о своей дочери раньше. Это сильно удивило Элизабет.

Затем миссис Гренвилл взволнованно пишет о том, что ее муж заболел, она чувствует свою вину перед ним и плачет по ночам. Она подробно описывает каждый день его болезни, приход врача, состояние здоровья больного:

«Сегодня утром он сильно кашлял. Так громко, что это услышала Амелия в детской. Она так перепугалась, что отказалась выходить к завтраку. Боже, я так не могу. С каждым днем он становится все бледнее и бледнее. Силы покидают его. Он совсем не встает с кровати, лежит целыми днями и смотрит в потолок. Иногда, когда он долго лежит, не шевелясь, моё сердце сжимает холод и мне кажется, что он умер. Я медленно подхожу к нему пытаюсь сдержать слезы и спрашиваю:

«Тебе что-нибудь принести?»»

С надеждой на его ответ. Повернув голову с таким усилием, будто она чугунная, он тяжело вздыхает, словно хочет что-то сказать, но не может. А сегодня наш врач сказал мне, что он умирает и что сделать ничего нельзя. Я не смогла этого снести и зарыдала. На что наш доктор сразу же меня предостерег:

«Тише, тише, что Вы. Он может услышать». В тот самый момент мы находились под дверью его спальни. После ухода врача я зашла в его комнату, села подле него, глажу по голове, а он меня спрашивает: «Что врач сказал? Недолго мне осталось?» Еле сдержав подступившие слёзы, я улыбнулась и ответила: «Ну что ты? Все хорошо. Доктор сказал, ты скоро поправишься»...

(Далее) идут описания похорон и родственников, приехавших на них.

Глаза Элизабет медленно закрывались и в конечном итоге сон взял верх над ее сознанием.

Глава 8. День четвертый. Потайная дверь

Когда Элизабет открыла глаза солнце светило высоко над горизонтом. Это первое что она заметила. Так как свет бил прямо ей в лицо. Это был удивительно яркий день для осени, поэтому Элизабет обрадовалась, но ее радость была недолгой. Как только она поднялась и выпрямила затекшую спину, то сразу же заметила, какой кавардак творится в комнате. Все ее вещи были выпотрошены из шкафа, тумбочек, полок и разбросаны по всей комнате, будто пока она спала, здесь произошел основательный обыск. Это так напугало Элизабет, что она решила больше не оставаться в этой комнате, а поселиться все-таки в спальне для гостей, тем более что к этому решению она склонялась уже ночью, после того как прочла, что в этой спальне на той самой кровати на которой она спала, мучительно скончался супруг миссис Гренвилл.

Элизабет собрала свои вещи и после того как она перенесла их в гостевую, решила все-таки хорошенько обыскать комнату, так как ей пришла в голову одна мысль:

– А что если в спальню есть потайная дверь, через которую таинственный гость приходит, чуть ли не каждую ночь и творит свои бесчинства?

Хорошая погода пришлось как нельзя кстати. Вся комната, обычно погруженная в полумрак, теперь была превосходно освещена. Элизабет осмотрела все, заглянув за шкаф, трюмо, ширму, шторы. Даже под кровать несколько раз заглянула, но все тщетно, никаких дверей или чего-то даже близко похожего на нее. Тогда Элизабет начала простукивать панели одну за другой. Она шла вдоль стены и прислушивалась. Среди ровного монотонного глухого стука неожиданно она услышала громкий четкий звук.

– Пусто, – прошептала она.

Не теряя ни минуты, девушка попыталась зацепить панель кочергой. После нескольких неудачных попыток ей, наконец, удалось зацепить ее как следует. Еще пару минут и панель с громким треском открылась. Сгорая от любопытства Элизабет, взяла лампу и медленно вошла в проход. Она оказалась в сравнительно небольшом помещении без окон. Вдоль стен находились полки, шкафчики, многочисленные шляпные коробки, вешалки с одеждой. В стене напротив, располагалась дверь. Элизабет поняла, что она находится в гардеробе миссис Гренвилл:

– Вот это да, «Настоящий викторианский гардероб», – с восторгом воскликнула она.

– Должно быть, все забыли об этой комнате, и она осталась нетронутой. Трудно поверить, что здесь все на своих местах, как и оставила хозяйка. Кажется, что вот-вот зайдет горничная, принести шляпные булавки или еще что-то.

Элизабет с интересом разглядывала содержимое гардеробной: шляпки, веера, гребешки, платья. Ей не терпелось все потрогать, рассмотреть, приложить, померить. Но куда же ведет эта дверь.

Девушка подошла и взялась за ручку. Не открывается. Давно никто не пользовался этой дверью. Еще немного усилий, и она со скрежетом открылась. Элизабет увидела тусклый свет, пройдя вперед она поняла, что находится в спальне. В полумраке можно было различить кровать, шкаф камин, прикроватные тумбочки. В комнате было темно, так как окна были зашторены. Элизабет подошла к окну и отдернула шторы. Солнечные лучи осветили комнату и ослепили Элизабет, глаза которой уже привыкли к полумраку. Щурясь, она обернулась. Первое что бросилось ей в глаза – маленький столик рядом с кроватью, на котором стоял поднос, заставленный маленькими пузыречками, баночками, коробочками. Элизабет решительно направилась к нему. Взяв в руки один из пузырьков, она прочла:

«Хлородин».

– Должно быть, это спальня мистера Гренвилла. Ну конечно мужа и жены в викторианскую эпоху спали в разных спальнях. И встречались в одной постели лишь для исполне-

ния супружеского долга и продолжения рода. Все, что касалось интимной жизни супругов в этот период, считалось недостойным обсуждения и демонстрации. Потому потайные двери, соединяющие спальни супругов через гардеробную помогали без лишних любопытных глаз посещать спальни друг друга. Значит, мистер Гренвилл умер в этой спальне, – с облегчением заметила Элизабет. Вспомнив как переполюшилась прошлой ночью, когда решила, что Джона-тан Гренвилл умер в постели, в которой она ночевала уже не одну ночь. Еще немного побродив по комнате осматривая предметы, находящиеся в ней Элизабет направилась к выходу из спальни. Взявшись за ручку, она попыталась открыть дверь. Не выходит.

– Наверно дверь заперта. Ну конечно. Видимо это та самая комната, которую мы с миссис Фармер так и не смогли открыть в день приезда. Миссис Фармер сказала, что дверь в эту комнату закрыта уже очень много лет.

Некоторое время Элизабет продолжала стоять возле двери и внимательно смотреть на замок. Затем она взялась за ручку и уперлась плечом в дверь. После нескольких подходов дверь протяжно закричала и медленно при помощи усилия Элизабет, наконец, открылась. В проеме виднелись темные панели коридора.

– Так и есть. Это та самая комната. Значит, дверь все же открывается, петли совсем заржавели. Их уже давно никто не смазывал. Наверно этой дверью действительно не пользовались много лет. Но это не могло помешать злоумышленнику проникнуть последние несколько раз в спальню, где я спала. Если конечно ему вообще нужна дверь.

Сделав эти неутешительные выводы Элизабет решила вернуться в приглянувшийся ей гардероб. Миновав спальню, она снова вернулась в гардеробную, также замаскированную стеной панелью. Как и в спальне миссис Гренвилл. Оказавшись внутри девушка принялась разглядывать вешалки с одеждой, шляпные коробки, флакончики старых духов. Все казалось ей интересным, загадочным, прекрасным. Примеряя одну шляпку за другой, она непременно сопровождала это комментарием, веселясь и хохоча. Платья, шляпки, веера, перья, все закружилось в вихре веселья и восхищения. Каждую новую увиденную вещь Элизабет встречала с неизменным восторгом, восклицая:

– Ах, вот это да! Восхитительно! Великолепно!

День неумолимо пронесся мимо нее. Элизабет совершенно не заметила этого. Она продолжала предаваться излюбленной женской забаве – примерке. И тут ей попалось нечто интересное – небольшая металлическая коробочка. Она была спрятана в углу за вешалками, как будто кто-то явно не хотел, чтобы ее нашли. Подстегиваемая любопытством девушка попыталась открыть коробочку.

– Не поддается. Видимо приржавела.

После некоторых усилий крышечка была снята. Внутри оказались разорванные фотографии. Она уже хотела вынуть их и рассмотреть получше, как вспомнила про время. Взглянув на ручные часы Элизабет заторопилась.

– Уже поздно, надо поспешить.

Сложив обрывки фотографии в коробочку, она взяла ее в руки и вышла из гардеробной в спальню миссис Гренвилл, прошла по комнате и оказавшись в коридоре, стремительно направилась в гостевую спальню.

Придя в свое новое убежище Элизабет осмотрелась: по центру комнаты стояла деревянная кровать с балдахином, украшенное резьбой изголовье было менее помпезно, чем в хозяйской спальне. Просторный шкаф, ширма, обтянутая сукном, две тумбочки с лампами, туалетный столик, зеркало в резной раме. Прямо напротив кровати находился камин, над которым висела картина с сентиментальным пейзажем. Все в этой комнате дышало спокойствием и стариной. Убранство гостевой спальни было менее роскошным, более простым и уютным, это Элизабет как раз понравилось.

Она развела огонь в камине, немного погрелась, любуясь танцующими языками пламени. Затем подошла к кровати. На душе было спокойно впервые за все дни, проведенные в доме. Лежа на кровати, она прокручивала в голове события дня. Какой удивительный день, самый яркий и приятный, наполненный восторженными событиями.

– Надо будет завтра осмотреть первый этаж, – подумала она засыпая.

Ведь до этого ее внимание было направлено на чердак и второй этаж с многочисленными коридорчиками, комнатами и детской. В ее голове продолжали кружиться шляпки, веера, платья и потому или от усталости она совсем забыла о металлической коробочке. Веки тяжелели, а сознание погружалось в глубокий сон.

Глава 9. День пятый. Отражение

Утром, спустившись по лестнице на первый этаж, Элизабет подняла голову и посмотрела на потолок. Теперь, по прошествии этих дней, после всех событий люстра уже не казалась ей столь прекрасным произведением искусства венецианских мастеров. Размеры и изысканность деталей не поражали восторгом ее разум. Теперь, Элизабет смотрела на нее, как на огромного монстра, притаившегося под сводом холла. Люстра как огромный безобразный паук раскинула свои могучие лапы в ожидании своей очередной жертвы. Это безобразное чудовище, будто хозяин, расположилось в своей паутине и холодно взирает на метания мотылька, попавшего в сети.

Взгляд Элизабет скользнул ниже на портреты в золоченых рамах и их вид уже не вызывал восхищения, скорее наоборот отвращение. Все эти портреты напоминали толпу уличных зевак, не без интереса и удовольствия, наблюдающих за угасанием молодой пленницы. Элизабет замедлила шаг, посмотрела на них и подумала:

– Вот они, безмолвные, равнодушные свидетели ее страданий.

Затем сделав еще пару шагов, она приблизилась к камину, обрамленному по обеим сторонам фигурами изнемажденных атлантов.

– Кому могла прийти в голову такая глупая мысль о создании столь печальных образов для камина.

Да, этот камин сразу не понравился Элизабет. Просто за видимым блеском и роскошью дома она не стала задумываться о причинах его создания. Но сейчас ей казалось, что как раз он как ничто иное в этом доме соответствует образу этого мрачного поместья. Передает гнетущее состояние и безрадостность жизни обитателей. Придя к этим выводам Элизабет направилась в гостиную.

Осмотревшись в помещении, она подошла к портрету. Снова улыбаются, никаких намеков на ухмылку.

– Может и правда показалось.

После тщательного обыска в гостиной, потайных комнат выявлено не было. А также после осмотра столовой, кухни и кладовок. Наконец подошла очередь галереи. Элизабет бродила по галерее, разглядывая картины и гобелены, читая их названия: «Юдифь», на картине изображена женщина с отрубленной головой мужчины в ногах.

– Да, никогда не радовал этот сюжет. Станный выбор для домашней галереи. Видимо хозяева дома любили жестокие библейские сюжеты, – подумала Элизабет.

Следующая картина радовала не больше первой: «Кающаяся Мария Магдалена».

– Что-то мне подсказывает, что хозяйка дома не любила подолгу стоять возле этой картины, – едко заметила Элизабет.

Следующая картина «Леда и лебедь».

– Какой интересный выбор картин, – снова удивилась девушка. – Почти на всех полотнах главной героиней является женщина. Это может дать некоторые представления о характере хозяев этого дома.

Следующая картина, привлекавшая внимание Элизабет была «Сусанна и старцы».

– Сомнений нет, выбор картин не случаен; на четырех полотнах из галереи изображены сюжеты главными героями которых были женщины. Они изображены в судьбоносный момент, где каждая из них на пороге выбора или в момент осмысления и принятия содеянного. Каков бы не был итог, всех женщин объединяет одно – плотский грех. Чтобы это могло значить, почему картины как бы намекают на грех хозяйки, нужно узнать, когда и откуда появились в особняке эти картины.

И тут взгляд Элизабет привлек гобелен, он явственно отличался от всех остальных изображений. На нем были изображены дети, играющие в залитом солнечными лучами саду. За их игрой наблюдала мать, расположившаяся в плетеном кресле подле них. Картина источала радость и безмятежное спокойствие, и нежное счастье. Оказавшись возле нее, Элизабет на мгновение растерялась и стояла, уставившись в недоумении на гобелен. Затем опомнилась и принялась тщательно разглядывать детали.

– В чем же здесь подвох? Где персонажи любимой темы?

После тщетных поисков, она, наконец, смирилась с тем, что сюжет гобелена не связан с другими полотнами. Тогда девушка перевела взгляд на название гобелена – «Игра».

– Интересно, – подумала Элизабет.

Затем она осмотрела остальные полотна и гобелены, представленные в галерее. Все они в основном изображали библейские мифологические исторические сюжеты. И были одной из вариаций, излюбленных тем великих мастеров эпохи возрождения.

– Да, остальные картины не были продолжателями темы плотского греха, но все же они больше вписывались в общий колорит, собранных в галерее картин, нежели гобелен, изображающий играющих детей.

Элизабет отправилась в библиотеку. Войдя в нее, она окинула взглядом огромные шкафы до самого потолка забитые книгами.

– Здесь их наверное миллион, – произнесла Элизабет.

Чтобы хотя бы осмотреть все эти книги не изучая содержания, придется потратить очень много времени. О подробном изучении книг в библиотеке не приходится говорить и вовсе. Девушка перевела взгляд на центр библиотеки, где красовался огромный старинный глобус.

– Вот это глобус, – подумала она про себя. – Должно быть, на нем можно разглядеть города и мельчайшие реки.

Элизабет подошла ближе и коснулась рукой поверхности глобуса. Старый пожелтевший глобус поблескивал своей лакированной поверхностью. Девушка задумалась:

– А что если внутри него что-то есть? Ну, например, бар как во многих современных глобусах или еще что-то.

Элизабет провела рукой по гладкой поверхности глобуса.

– Роскошная работа, видимо, создан мастером из ценных пород дерева, украшен резьбой и медными деталями.

Она попыталась его открыть. Не вышло. Наверно здесь есть какой-то замок. Руки Элизабет скользили по лакированной поверхности глобуса. Наверно замок замаскирован в этих медных деталях. Она начала активно ощупывать медные детали, пытаясь повернуть, потянуть, нажать. Наконец что-то щелкнуло, и верхняя половина шара приоткрылась. Элизабет с нетерпением принялась приподнимать довольно увесистую полусферу. И наконец, ее глазам открылась внутренняя часть глобуса.

В центре сферы лежали какие-то свитки. Элизабет потянулась, и в следующий момент свитки оказались у нее в руках.

– Что это?

Она подошла к письменному столу, стоящему возле камина и расстелила свитки.

– Это же план дома. Я нашла план дома, – радостно воскликнула Элизабет. Теперь, изучив его, я могу узнать, где в доме спрятаны потайные проходы, и тайные комнаты, если конечно они отмечены на официальном плане.

Тут девушка заметила, что начинает темнеть. Она быстро свернула свитки и решила бегло осмотреть оранжерею. Подойдя к стеклянной двери, ведущей в оранжерею, Элизабет не без труда смогла отворить ее. Вначале не поддаваясь, дверь издала противный металлический скрежет и открылась.

Войдя в оранжерею, Элизабет поежилась.

– Здесь еще холоднее, чем в доме.

Сквозь грязные пыльные стекла с трудом пробивались лучи заходящего солнца. Девушка начала осторожно идти по мозаичному полу в направлении фонтана, то и дело оборачиваясь и озираясь вокруг. Наверно когда-то давно оранжерея была прекраснейшим местом в доме, множество растений, привезенных из разных уголков планеты, украшали клумбы и горшки. В воздухе витали ароматы душистых цветов, сквозь ажурный купол в оранжерею струился теплый свет. И всю эту благодать нарушало лишь журчание воды в белоснежном мраморном фонтане.

Но времена прошли. Дом опустел, растения и цветы завяли и превратились в пыль, купол занесло листвой и грязью, навсегда укрывшими оранжерею от солнечного света. Белоснежный мраморный фонтан стих, превратившись в зловонную лужу, а воздух наполнился смрадом гниения и обреченности.

Элизабет медленно подошла к фонтану и присела на край. Холод и сырость исходили от него. Она протянула к одной из поросших мхом, мраморной чаши, руку. Внезапно в мутной воде что-то мелькнуло. Элизабет разглядела отражение. За ее спиной она увидела темную фигуру и лицо. Серое безжизненное лицо и злобную ухмылку на нем. Девушка вскрикнула и обернулась. Никого! Рядом нет никого. Она вскочила и ринулась к выходу из оранжереи.

Внезапно поднялся сильный ветер и пошел дождь. Под порывами ветра деревья на улице сгибались, их ветви хлестали стеклянные окна оранжереи, а капли дождя бешено колотили по куполу. Подбежав к выходу, Элизабет еще раз обернулась и выскочила в приоткрытую дверь. Не помня себя от ужаса, она миновала библиотеку, коридор, холл, огромными прыжками преодолела дубовую лестницу и очутилась на втором этаже. Мчась по коридору мимо комнат, она едва было не вбежала в хозяйскую спальню. Но вовремя вспомнила, что поменяла свое пристанище на гостевую комнату. Оказавшись в ней, она захлопнула дверь и задыхаясь замерла на месте.

Глава 10. Артефакты

Немного успокоившись и придя в себя, Элизабет подошла к кровати и села. Некоторое время она сидела, уставившись в одну точку и думала, раз, за разом прокручивая у себя в голове неясное лицо, отразившееся в фонтане за ее спиной. До этого она ни разу не встречалась лицом к лицу с мучителем, терзавшим ее. Она не знала кто или что это. Для нее происходящее было обезличенным и бестелесным как ураган или проклятье. Теперь же проклятье начинало обретать вполне конкретную внешность. Теперь происходившее уже не казалось стихией, на пути которой случайно оказалась Элизабет. Элизабет сама была причиной стихии. Мертвенно бледное лицо с ухмылкой никак не выходило из головы.

Поежившись, девушка подошла к камину в надежде согреться, разведя огонь припасенными заранее спичками, она села в кресло у камина, уставившись пустыми глазами на яркие языки пламени. Какое-то время Элизабет сидела неподвижно о чем-то думая, затем будто очнувшись, вздрогнула.

– Стоит взглянуть на трофеи, – подумала она, глядя на разложенные на кровати свитки и металлическую коробочку, найденную вчера.

Быстрым шагом подошла к кровати.

– Со свитками все понятно, – подумала Элизабет. – Но что это за разорванные фотографии?

Девушка потянулась к коробочке и после некоторых усилий, сняв крышку, извлекла наружу обрывки фотографий. Быстрыми движениями пробуя разные варианты, наконец, удалось собрать воедино три фотографии. Когда работа была окончена, фотографии собраны Элизабет поднесла их поближе к источнику света.

На трех фотографиях был запечатлен один из балов, проводимых в поместье. На первой была запечатлена гостиная, на диванах и креслах, которой восседали элегантные дамы в изысканных нарядах по последнему писку парижской моды и по-английски надменные господа, ничем не уступающие в изысканности своим спутникам.

Некоторые гости беседовали стоя, держа в руках бокалы, кое, где виднелись суетящиеся лакеи, поспевающие от одного гостя к другому, разнося бокалы и закуски.

Но внимание привлекал один гость, горделиво расположившийся у камина. Одной рукой он мягко оперся о каминную полку, а второй держал бокал. Его вальяжная поза, стоя на одной ноге, скрестив согнутую вторую в колене и поставив ее на носок, выдавало в нем человека, уверенного в себе и в своей привлекательности.

– «Дьявольской привлекательности»! – Вспомнила Элизабет слова из дневника миссис Гренвилл.

...«Он стоял с бокалом вина облокотившись возле камина с дерзкой улыбкой на устах и дьявольским пламенем в глазах...».

И действительно стоящий возле камина человек широко улыбался и не без интереса куда-то внимательно смотрел. Должно быть на миссис Гренвилл.

На второй фотографии все в той же обстановке, среди нарядно одетой публики, Элизабет снова разглядела высокого джентльмена с усами, только теперь он стоял уже не подле камина, а возле дамы и разговаривал с ней. Немного присмотревшись, Элизабет поняла, что дама с которой разговаривает высокий джентльмен – хозяйка дома. Девушка сразу узнала ее. Ее портрет висит в гостиной. Ее фотографии расставлены в доме, а в альбомах, с которыми Элизабет имела удовольствие ознакомиться, было это лицо.

Девушка поспешно принялась разглядывать третью фотографию. На ней были запечатлены все участники вечера. В одном из рядов стояла миссис Гренвилл. Ее взгляд был направлен в первый ряд, где сидя на полу, расположилось несколько мужчин, среди которых моло-

дой высокий джентльмен с усами. Сомнений нет, взгляд миссис Гренвилл направлен именно на него. Высокий джентльмен с усами, любовник Оливии Гренвилл.

Элизабет встала с кровати, подошла к своим чемоданам, разобрать которые, у нее просто не было времени, и открыла один из них, заглянула в него, при этом пошарив рукой. Затем открыла другой, бегло осмотрела его содержимое:

– Не может быть! – Воскликнула она.

Вывалив содержимое обоих чемоданов на кровать, Элизабет принялась судорожно перебирать вещи.

– Не может быть, его нет! – С отчаянием произнесла она.

– Дневника миссис Гренвилл нет!

Присев на кровать Элизабет принялась тщательно прокручивать в голове события прошлого дня. Как она проснулась, обнаружила беспорядок в комнате. Она никак не могла вспомнить убирала ли дневник в чемодан, когда собирала вещи для переезда в гостевую. А что, если беспорядок в спальне был по причине поиска дневника. У нее ведь была мысль, что в спальне провели обыск. Как же она сразу не заметила пропажу. Этот внезапный беспорядок произошедший в момент, когда она мирно спала в том же помещении так напугал ее, что, совершенно не заметив пропажи, Элизабет собрала вещи и ушла из злополучной комнаты. Как же так, как же она могла допустить пропажу единственного артефакта, который так много ей поведал, что интересного она могла еще узнать с его страниц. Элизабет не переставала винить себя. Как же она могла быть такой легкомысленной и оставить дневник без присмотра. Но кто бы мог знать, что такое может произойти. Совершенно глупо и беспомощно чувствовала себя Элизабет и решила изучить план дома, пока его не утащили у такой простофили, как она.

Снова сгребая разбросанные вещи в чемоданы, девушка убрала склеенные фотографии в карман и расстелила план на кровати.

– Так, вот план первого этажа: холл, дубовая лестница на второй этаж, гостиная, столовая, кухня, кладовки, галерея... Стоп, а что это? Что это за помещение на плане? Не припоминаю такой комнаты на первом этаже. На плане явственно видно, что к галерее примыкает какая-то сравнительно небольшая комната, что это за помещение? Это не библиотека. Вот библиотека, вот оранжерея. Забавно, а я думала, что потайная комната будет непременно в библиотеке. Видимо я ошибалась, – подумала Элизабет.

– Этот дом не так уже банален, я его недооценивала, – улыбнулась она. – Завтра стоит взглянуть на эту комнату.

Затем она принялась изучать план второго этажа: спальня, детская, а вот та самая гардеробная, между хозяйскими спальнями, вот винтовая лестница на чердак.

– Нет, больше потайных комнат нет, – немного с грустью произнесла Элизабет.

– По крайней мере на плане они не указаны, – с искрой надежды добавила она.

Вечер плавно переходил в ночь, Элизабет почувствовала усталость. Ложась в постель, она была полна решимости продолжить поиски утром.

Глава 11. День шестой. Тайная комната

Утро наступившего дня было пасмурным. За окном моросил мелкий дождь, камин догорел и остыл, потому в спальне было зябко. Элизабет неохотно открыла глаза, потянулась лежа в постели, затем встала, преодолевая сильное желание остаться под теплым одеялом. Одевшись, она пошла на кухню, перекусить, перед тем как отправиться на поиски тайной комнаты.

Придя на кухню, она открыла буфет, достала пачку печенья и джем. После нескольких попыток открыть крышку баночки с джемом Элизабет подошла к кухонному окну, где было посветлее, чтобы подцепить ножом крышку. После нескольких манипуляций ножом, ее внимание привлек маленький светлый силуэт, мелькающий в глубине сада. Присмотревшись, девушка разглядела ребенка, играющего в тени большого кустарника. Девочка в светлом платьице с каштановыми локонами, то и дело приседала, как будто что-то ищет, или собирает. Сквозь залитое дождем окно было не разглядеть большего.

– Боже мой, что же она делает так рано в саду, – подумала Элизабет. – Солнце едва встало, на улице пасмурно, идет дождь, а она играет. Она же совсем промокнет, где интересно ее родители, надо ее позвать в дом, – решила Элизабет.

Она поставила баночку с джемом на стол и направилась в холл. Подойдя к входной двери, она немного помешкала, уж очень не хотелось выходить на улицу под дождь, но чувство долга о заботе над незнакомым ребенком перебороло ее. Тем более что сама мысль о том, что в доме появится хоть и ненадолго еще одна живая душа, бесконечно радовала изголодавшуюся по общению Элизабет. Она решительно взялась за ручку, щелкнула замком и приоткрыла входную дверь. Всматриваясь вглубь сада, девушка осторожно вышла на крыльцо, поежившись от ветра и холодных капель, падающих на нее.

– Никого не видно, странно, – подумала Элизабет. – Девочка не могла так быстро уйти, да и куда она пойдет.

Элизабет еще стояла некоторое время, переминаясь с ноги на ногу. Затем решила, спустилась с крыльца и медленно пошла в сторону сада. Никого не было видно. Тогда девушка начала ее звать. Тишина, никто не отзывается. Элизабет старательно прислушивалась, но слышала лишь шум дождя и шорох листвы, качающихся от ветра деревьев. Еще немного растерянно побродив, она вернулась в дом. На душе у нее было грустно. Ей так хотелось поговорить с кем-нибудь, услышать человеческий голос.

Захлопнув входную дверь и заперев ее, Элизабет направилась на кухню, продолжая думать о маленькой девочке в саду. Было ли это видением, миражом, искаженным в залитом дождем окне, или девочка на самом деле была в саду, Элизабет не знала. Но ей так хотелось, чтобы девочка была настоящей.

Войдя в кухню, все еще погруженная в свои мысли она подошла к столу. Обратив свой взгляд на баночку с джемом, ее будто ударило током. На столе стояла баночка, а рядом лежала открытая крышка. Напряженно, глядя на баночку с джемом, девушка прокручивала в голове события утра: как она пришла на кухню, открыла буфет, взяла печенье и баночку с джемом, как тщетно пыталась открыть крышку, как увидела девочку в саду. Она помнила, что, уходя с кухни, поставила на стол, так и не открытую банку, а сейчас крышка открыта. Может все же Элизабет открыла ее? Кажется, она сходит с ума.

Закончив свой завтрак, Элизабет побрела в галерею. Оказавшись в помещении, она снова принялась разглядывать каждую картину: «Юдифь», «Кающаяся Мария Магдалена», «Леда и лебедь», «Сусанна и старцы». Судя по плану, тайная комната должна быть где-то здесь. Сделав пару шагов, Элизабет оказалась прямо напротив гобелена. Подойдя вплотную, прочла еще раз название – «Игра». Заглянув за гобелен, девушка заметила какие-то выступы на стене:

– Надо отодвинуть гобелен, – решила Элизабет. – Чем бы его закрепить?

Сделав пару шагов назад, она принялась внимательно разглядывать комнату и стену возле гобелена. Тут на глаза попался держатель для штор, резная деревянная скоба, расположенная рядом на стене. Сначала Элизабет подумала, что это просто украшение на стене, но теперь присмотревшись, она поняла, что это держатель для штор, выполненный в виде красивой розетки.

– Зачем он здесь? Он находится в некотором удалении от окна, сейчас проверим мое предположение, – и с этими словами Элизабет заправила гобелен за держатель.

Перед ней открылось лицо, вырезанное на деревянной панели стены. Объемная великолепно выполненная рукой мастера лицо маленького ребенка. То ли это ангел, точнее херувим, то ли лицо Амура. И пухлые щечки, и выющиеся локоны были вырезаны из дерева. Лишь глаза не были деревянные, они были инкрустированы из какого-то камня, а точнее камней. Белок глаза был белым, радужка из темно-синего камня, а зрачок черный. Поэтому взгляд ребенка был будто живой. Глаза смотрели прямо на Элизабет. От этого взгляда было не по себе. По телу Элизабет пробежала дрожь.

Еще пару минут она растерянно смотрела в глаза мальчика, со смешанными чувствами испуга и восхищения. Тут она заметила, что вокруг головы ребенка находятся красивые декоративные детали, четыре маленькие резные деревянные детали, напоминающие стрелки. Элизабет провела пальцами по пухлой лакированной щечке мальчика, затем прикоснулась к выпуклой детали, как вдруг раздался глухой гул, что-то щелкнуло и глаза ребенка резко повернулись вправо, от неожиданности Элизабет отшатнулась, кровь застучала в висках. Придя в себя, она снова подошла ближе и неуверенно протянула руку к одной из деревянных деталей. Еще раз нажала, снова что-то щелкнуло и глаза мальчика резко уставились на нее. Вздвогнув Элизабет произнесла:

– Значит с помощью этих штук, поворачиваются глаза.

Напряженно глядя в большие голубые глаза ребенка Элизабет почувствовала, что это уже было, что-то знакомое: глаза, лицо... внезапно ее будто пронзила молнией и в голове зазвучали строки:

...Завтра новая игра
Поспешит вся детвора
Дивный сказочный сюжет
Нам игра поведает
Укажи лишь только раз
Лику, скрытому от глаз.

Вот тот самый лик, скрытый от глаз, смотрит на нее своими большими каменными глазами. Но что надо ему указать? Указать – повернуть глаза, но куда повернуть?

– Гобелен, – прошептала Элизабет.

Быстрыми движениями девушка распрямила гобелен, убранный за держатель. Взглянув на гобелен, она снова прочла название «Игра», строчки детской песенки закружились в ее взволнованной головке:

...Дивный сказочный сюжет
Нам игра поведает...

– Поведает гобелен! – Внезапно осенило Элизабет.

Дрожа от волнения, она принялась тщательно разглядывать гобелен. Каждую деталь: играющих детей, мать, сидящую подле них.

– Куда нужно направить глаза ангела? Может быть туда же куда смотрит мать – на детей, она смотрит влево.

Снова одернув гобелен и заправив его за держатель Элизабет нажала на деревянную деталь, что-то щелкнуло, глаза ангела повернулись влево, и стенная панель приоткрылась. Пальцы девушки судорожно скользнули в образовавшийся проем, немного усилий и дверь распахнулась.

Темно. Взяв с неподалеку стоящей консоли подсвечник, Элизабет зажгла свечи спичками, хранившимися в кармане и ступила вперед. Оказавшись внутри она заметила, что окон в помещении нет.

– Что это за комната? – В недоумении произнесла Элизабет.

Сделав еще пару шагов она обо что-то споткнулась. Посмотрев под ноги, она увидела деревянную лошадку – детскую игрушку. По центру комнаты стоял стол, застеленный бархатной скатертью и несколько стульев. Присмотревшись Элизабет заметила еще пару игрушек, разбросанных на полу в комнате. Для чего была предназначена эта комната? Может быть для спиритических сеансов? Элизабет поежилась, озираясь вокруг, находиться в комнате было тягостно. Темные стены, покрытые бархатом, темный потолок, темный пол. Не было видно, где кончаются стены и начинается пол. Казалось, будто она в бездне.

– Еще пару минут и я услышу какую-нибудь загробную музыку или вой, – подумала Элизабет.

Не желая более испытывать судьбу, она удалилась. Остаток дня прошел без происшествий. Вечером, когда ложилась спать она вспомнила о том, что уже конец недели и завтра должны приехать мистер и миссис Фармер. Это очень обрадовало Элизабет. Ей хотелось, чтобы завтра наступило поскорее, ведь у нее накопилось так много вопросов. И наконец сама возможность поговорить с живой душой вселяла в нее радость. Чтобы завтра наступило поскорее, Элизабет устроилась поудобнее, укутавшись теплым одеялом и закрыла глаза.

Глава 12. Видение

За окном дул ветер и кажется снова начинался дождь. Перед тем как разум Элизабет затуманился и сознание полностью погрузилось в сон, она невольно вспомнила о маленькой девочке, играющей в саду, видимо поэтому главней героиней тревожного сна, навеянного странными событиями этого пасмурного дня, была та самая маленькая незнакомка.

Элизабет снилось, как юное создание бродит в окрестностях особняка, омываемое дождем и обдуваемое ветрами. Как хрупкое тельце дрожит от холода и усталости. Как жалобно зовет на помощь в угрюмом безмолвии ночного сада. От этого мрачного видения лицо Элизабет то и дело искажала мучительная гримаса, а ночную тишину спальни нарушали стоны. В конечном итоге один из этих стонов и разбудил ее.

Очнувшись от дурного сна, Элизабет встала и зажгла лампу, посмотрела на часы, уже полночь. Присев на край кровати, она вспомнила сон, приложив ладони к лицу. Как раз в этот момент до нее донеслись какие-то непонятные звуки. Подняв голову Элизабет некоторое время прислушивалась. Шум дождя за окном мешал расслышать четче. Затем она встала, накинула халат и подошла к входной двери в спальню. Приложив ухо, девушка расслышала какой-то монотонный гул, он было где-то далеко, кажется на первом этаже, поэтому Элизабет осмелилась приоткрыть дверь. Звуки стали четче, это были голоса, человеческое пение. Сомнений не оставалось, на первом этаже поют люди.

– Это не могут быть мистер и миссис Фармер, они приедут только утром, – подумала Элизабет.

Было страшно, но проведя столько времени в этом доме и повидавши столько странных и необъяснимых явлений, девушка собрала всю храбрость и ступила за порог. Она решила узнать, откуда доносятся эти звуки.

Оказавшись в коридоре, Элизабет медленно пошла в сторону дубовой лестницы, стараясь делать каждый шаг беззвучным. Холод коридора с легкостью проникал под ее шелковый халат, поэтому ее и без того дрожащее от страха тело, дрожало еще сильнее, от пронизывающей осенней прохлады. Старая лампа в ее слабых замерзших пальцах отбрасывала тусклый дрожащий свет, скользящий по обветшалым деревянным панелям коридора. Наконец девушка достигла лестницы, держась за перила, она начала спускаться, вздрагивая почти на каждой ступени от протяжного скрипа старой лестницы. Ступив на паркетный пол холла, Элизабет прислушалась:

– Кажется звуки доносятся из галереи.

Приближаясь все ближе и ближе к источнику гула, сердце Элизабет забилося чаще. Наконец на пороге в галерею она застыла в ужасе от увиденного, все ее тело будто парализовало, широко открытые глаза напряженно с ужасом смотрели не моргая. Дверь в тайную комнату была распахнута, а из проема двери струился тусклый свет и мелькали какие-то длинные тени.

Не помня себя, будто заколдованная, Элизабет медленно тяжело, против своей воли пошла на этот свет. Ее губы дрожали будто хотели что-то произнести, но не могли, а лицо искажала мучительная гримаса неотвратимости и ужаса. Когда она оказалась у входа в тайную комнату, освещенную этим дьявольским светом, ее глазам открылось странное невероятное зрелище: за столом в тайной комнате сидели какие-то люди, держащиеся за руки и бормотали слова похожие на латынь. Плачущая женщина, одетая в черное, с черной вуалью на лице, несколько мужчин, один из которых, обратив лицо к даме в черном, тер ее ручку, в попытках успокоить и еще одна женщина, с закрытыми глазами, которая явственно выделялась из всех. Она вела себя очень уверенно и бормотала громче остальных.

На столе горели свечи и лежали какие-то предметы, среди которых была фотография. Элизабет не смогла разглядеть ее со своего места. Она сразу поняла куда она попала, это

был спиритический сеанс. По одежде участников было легко догадаться, что он был проведен в конце 19 века.

Внезапно, женщина с закрытыми глазами, которая должно быть была медиумом, резко открыла их и уставилась прямо на Элизабет. Ее голос зазвучал громче, и мужчина обращенный к даме с вуалью поднял голову и Элизабет ахнула, это был тот самый мужчина с фотографии. Дама в вуали вскрикнула, ее тело обмякло и соскользнуло со стула свалившись на пол от неожиданной потери сознания. Вуаль скрывавшая ее лицо распахнулась и Элизабет снова вздрогнула от увиденного, это было лицо миссис Гренвилл, хозяйки поместья. Собравшиеся закопошились вокруг бесчувственной миссис Гренвилл, и девушка, воспользовавшись суматохой и отступлением той безвольной слабости, которая одолела ее и вынудила войти в тайную комнату, выскользнула оттуда под пронзительные крики медиума, которая к тому времени встала со своего стула и уставившись будто слепым иступленным взглядом в Элизабет, указывала на нее своим пальцем и бормотала уже хриплым голосом.

Оказавшись в галерее, Элизабет что было силы помчалась прочь не оборачиваясь, крики старухи все еще достигали ее ушей. Внезапно девушка начала задыхаться, ее тело будто начало слабеть и каждый шаг становилось сделать все тяжелее. Еще пытаясь из последних сил бежать, она почувствовала, как пол уходит у нее из-под ног и тело медленно падает, она резко вздрогнула и проснулась.

Немного придя в себя Элизабет поняла, что находится у себя в спальне в постели. Все лицо было покрыто испариной, а ночная рубашка мокрая насквозь от холодного пота. Сидя на кровати, пытаясь отдышаться она не могла поверить, что все, что ей пришлось видеть был лишь сон, ужасное видение от которого тело все еще продолжало дрожать. Спустив ноги с кровати Элизабет сидела некоторое время закрыв лицо руками в тщетных попытках успокоиться.

Переодевшись в сухую одежду, она разожгла камин в надежде согреться. Рухнув в кресло возле камина и уставившись пустым усталым взглядом на мелькающие языки пламени, мысли Элизабет то уносили ее к событиям ночи, то возвращали к настоящему, концентрируясь на ярких бликах, отбрасываемых огнем на каминной решетке. Сидя в этом глубоком мягком кресле, тело Элизабет все еще подрагивало от никак не отступающей нервной дрожи. Но постепенно тепло от открытого огня камина проникло в ее озябшее измученное тело и начало разливаться приятным покалыванием в конец успокоившим ее. Немного отдохнув она посмотрела на время – шесть утра.

– Мистер и миссис Фармер, – внезапно вспомнила она. – Сегодня они должны приехать.

Встав с кресла, Элизабет решила спуститься на первый этаж. В доме было тихо, ни единого шороха, лишь скрип половиц под ногами девушки нарушал тишину, да шум ветра доносився с улицы. Убедившись в том, что мистер и миссис Фармер еще не приехали, Элизабет отправилась на кухню, позавтракать и подогреть чайник к приезду долгожданных гостей.

Открыв буфет и увидев там банку с джемом, Элизабет недовольно хмыкнула. Вспомнив о самовольном открытии банки, она решила ее не брать. Прихватив из буфета печенье и конфеты, Элизабет устроилась за столом, уставившись в кухонное окно, и принялась ждать, когда закипит чайник.

Глядя в окно, она снова невольно вспомнила девочку, игравшую вчера в саду во время дождя, и сама того, не осознавая, Элизабет принялась вглядываться в зелень сада, ища глазами ребенка. Конечно она не могла там никого увидеть, даже если девочка и была вчера в саду, то скорее всего ушла уже давно. Элизабет это понимала, но грусть, внезапно накатившая на нее, необъяснимое чувство тревоги и жалости не давали ей покоя. От шума закипевшего чайника она вздрогнула, и очнувшись от охватившего ее чувства встала и выключила огонь. С улицы раздался шум мотора.

– Должно быть это приехали мистер и миссис Фармер, – обрадовавшись Элизабет побежала к входной двери.

В голове роилось множество мыслей: радость от предстоящей встречи, множество вопросов, которые Элизабет не терпелось задать и среди всех этих мыслей уже не было желания покинуть дом. Элизабет жаждала узнать тайны, хранившиеся в этом доме, а не убежать от них как было это раньше.

Глава 13. День седьмой. Приезд долгожданных гостей

Открыв входную дверь, глаза Элизабет ослепил солнечный свет. Щурясь она увидела, как возле машины копошатся мистер и миссис Фармер, доставая сумки с привезенным провиантом. Девушка улыбнулась и сбежала по ступенькам крыльца навстречу. Завидев ее миссис Фармер забормотала:

– О, мисс, разве это разумно? Здесь грязно после дождя, идите в дом.

Но Элизабет не слушала ее. Она стояла рядом, смотрела на долгожданных гостей и улыбалась во все зубы как ненормальная. Поднявшись в дом они шумной, как теперь казалось Элизабет «толпой», направились на кухню, чтобы убрать привезенные продукты. Открыв буфет, миссис Фармер воскликнула:

– Вы почти ничего не ели, разве так можно, мисс?

Следом за этим восклицанием началась унылая познавательная лекция о вреде голодания и важности своевременных приемов пищи. К сожалению, или к счастью Элизабет прослушала все, что говорила ей миссис Фармер, восторженно наблюдая присутствие людей в кухне. Когда продукты были разложены, чай заварен, а поднос для чаепития собран, Элизабет и миссис Фармер отправились в гостиную.

Разместившись в удобных элегантных креслах за чашечкой чая Элизабет почувствовала, что пора начинать, она так давно ждала этого момента, что, когда он наконец наступил почувствовала легкую неловкость от того, что никак не могла решить с чего начать и как бы получше сформулировать вопрос. От волнения и нетерпения чай в фарфоровой чашке, находящейся у нее в руках, то и дело грозил выплеснуться. Собравшись с мыслями и желая опередить возможные попытки собеседников задать другую тему разговора Элизабет начала:

– Я тут решила немного осмотреться и заглянула на чердак...

– Да... – Ответила миссис Фармер.

– Так вот, я обнаружила там несколько интересных вещей, – продолжила она.

– Интересно, – произнесла миссис Фармер.

– Да, весьма. Это несколько старинных семейных фотоальбомов. Должна заметить, что разглядывать их истинное наслаждение, – улыбнулась Элизабет. – Правда просмотрев их, я несколько огорчилась.

– Неужели, – заинтересовалась миссис Фармер.

– Да-да, огорчилась, дело в том, что в них не хватает нескольких фотографий. Вы видели эти альбомы?

– Да, я их видела. Ничего необычного, они наверно затерялись, ведь сколько лет прошло с тех пор как были сделаны эти снимки.

– То есть когда Вы просматривали эти альбомы, фотографий там уже не было? – Осведомилась Элизабет.

– Ну конечно не было. Неужели Вы думаете, что это я их вынула и забрала себе? – Обиделась миссис Фармер.

– О нет-нет, простите, я совсем не это хотела сказать, – сконфуженно произнесла Элизабет.

– А что же Вы хотели сказать милочка? – Всё негодовала миссис Фармер.

– Я лишь хотела сказать, что Вы подтвердили мои убеждения. Фотографии вынул оттуда один из хозяев поместья, а именно миссис Гренвилл...

Миссис Фармер сидящая напротив Элизабет в глубоком мягком кресле, чинно потягивая чай, заметно напряглась.

– С чего Вы это взяли? Я же сказала, что они могли затеряться, ведь столько лет прошло, – забормотала миссис Фармер.

– С того, что я нашла их! – Воскликнула Элизабет.

– Вот как?! – Глаза миссис Фармер широко раскрылись. Хотя внешне её фигура продолжала демонстрировать спокойствие и умиротворение, а поза в которой она сидела дышала уверенностью, и даже не один мускул на её лице не дрогнул, все же в голосе было слышно волнение.

– Да, именно так, – немного с ехидством произнесла Элизабет, продолжая внимательно наблюдать реакцию собеседницы.

– И где же Вы их нашли? Позвольте поинтересоваться, – откинувшись на спинку кресла, торопливо пробормотала миссис Фармер.

– В металлической коробочке! – Не без удовольствия выпалила Элизабет, едва сдерживая торжественный хохот.

Ах, как же приятно ей было сейчас поменяться ролями с миссис Фармер, и водить её за нос, не договаривая и отвечая на вопросы загадочными фразами, точно, как с неделю назад это делала смотрительница. Чувства смятения и негодования, читаемые на обеспокоенном лице собеседницы, наполняли её неописуемым восторгом. Наградив миссис Фармер торжествующим взглядом и помолчав отмеренные секунды дабы закрепить победу, Элизабет продолжила:

– Так вот, я сказала, что нашла несколько интересных вещей..., ещё я нашла дневник миссис Гренвилл, – произнеся эти слова девушка снова замолчала и пристально посмотрела на миссис Фармер.

Миссис Фармер убедившись, что лишена возможности манипулировать фактами, отрывшимися её собеседнице, продолжала неподвижно сидеть в мягком глубоком кресле подобно сфинксу горделиво держа голову. Однако её взгляд старательно избегал встречи с пристально глядящими глазами Элизабет. Камин, кофейный столик, портьеры – нигде взгляд миссис Фармер не задерживался дольше нескольких секунд. Было видно, что невозмутимая миссис была посрамлена своим же оружием. Элизабет продолжила:

– Но я недолго наслаждалась чтением дневника, видите ли..., его у меня украли, когда я безмятежно спала в своей постели, правда я заметила это значительно позже, но думаю произошло это именно тогда, а иначе зачем было разбрасывать все мои вещи по комнате, как при обыске, – с горечью призналась девушка.

Договорив эти слова, Элизабет устало перевела задумчивый взгляд на собеседницу, как вдруг остолбенела, что же начало происходить с бедной миссис Фармер. Сначала она, выпучив глаза резко выпрямилась в кресле и побагровела, затем её будто затрясло и цвет лица сменился на предобморочно бледно-салатовый. Она что-то забормотала, но Элизабет ничего не разобрала, так как испугалась и не о чём другом не могла думать кроме как помочь бедной миссис Фармер. От неожиданности девушка даже привстала с кресла, но тут в дверях гостиной появился мистер Фармер и поспешил на помощь к своей супруге. Элизабет не знала, что делать и потому растерянно присела на краешек кресла, продолжив наблюдать немую сцену. Мистер Фармер, подбежав к своей жене, отчаянно хватал её за руки в тщетных попытках успокоить. Всё ещё оставаясь в недоумении от происходящего, он словно рыба беззвучно хватал ртом воздух, будто пытаясь что-то сказать.

Глава 14. Взаимные недомолвки

Немного позднее в гостиной, когда все успокоились и в комнате снова воцарилась тишина, чайная трапеза продолжилась. Элизабет всё ещё сидела в кресле. Будто стараясь растворить своё напряжение в чашке, она усердно помешивала чай. Миссис Фармер расположилась на диване, её отрешённый взгляд выдавал, что сознанием она была где-то далеко за пределами гостиной. Мистер Фармер сидел возле жены держа её руку в своих ладонях и старательно пытался уловить на её лице хоть намёк на оживление эмоций. Чем дольше длилась эта немая сцена, тем активнее мистер Фармер тер руку жены в четных попытках достичь результата. Наконец не выдержав, Элизабет выпалила:

– Вчера в саду я видела маленькую девочку. Я уже хотела позвать её в дом, укрыться от дождя и подождать её родителей за чашечкой чая, как вдруг она исчезла, так же внезапно, как и появилась. Представляете...? – Голос Элизабет немного дрожал от волнения и неловкости, которые сопровождали всё чаепитие.

Резко ворвавшиеся в тишину комнаты слова Элизабет, заставили миссис Фармер очнуться от забытья, она вздрогнула и не переводя взгляда произнесла:

– Здесь нет никаких девочек, здесь за мили нет никаких девочек и их родителей.

От прозвучавших слов Элизабет смутилась:

– Но я сама её видела, маленькая девочка лет десяти-одиннадцати, в светлом платье с каштановыми волосами. Она играла под дождем в тени большого кустарника, будто что-то искала или собирала.

После прозвучавших слов мистер и миссис Фармер переглянулись. Помолчав миссис перевела взгляд на Элизабет и сказала:

– Дорогая мисс, это поместье стоит в большом отдалении от всех ближайших населённых пунктов. Вокруг нет ни единого дома, а соответственно никаких соседей не может быть. Я не знаю, что Вам там показалось сквозь омытое дождём окно, но это явно не может быть правдой.

От возмущения Элизабет торопливо оправдалась:

– Вид из окна действительно был не чёткий, но...

– А-а-а, ну вот видите, – торжествуя прервала миссис Фармер. – Вы сами признаёте, что вид за окном был искажен, добавим сюда недельное затворничество в одиноком доме и вот мы уже выдаём желаемое за действительное. Вам просто очень хотелось с кем-то поговорить, и вы приняли поблескивающую мокрую листву за белое платье, а мокрый от дождя ствол кустарника за каштановые кудри...

Миссис Фармер хотела сказать ещё многое в доказательство своей правоты, если бы Элизабет не перебила её:

– Я понимаю, что я у Вас как кость в горле с того момента как приехала в это поместье. Вы с самого начала пресекаете все мои попытки задать вопрос, узнать побольше об этом месте и его прежних обитателях. Но знаете, что, Вы переходите все границы, пытаетесь навязать мне нелепое объяснение. Неужели я похожа на дуру, которая безоговорочно примет на веру все ваши жалкие и никчемные убеждения? Не хотите мне ничего рассказывать, не надо, храните дальше Ваши драгоценные тайны. Я и без Вас во всём разберусь. Тем более, что за эту неделю я узнала больше, чем за бессмысленный разговор с Вами.

С этими словами Элизабет поднялась с кресла и уже было сделала шаг в направлении к выходу из гостиной, как вдруг миссис Фармер схватила её за запястье:

– Постойте, не уходите, сядьте прошу Вас! – С волнением в голосе произнесла она.

– Зачем? Что бы снова выслушать очередную ложь, сочиненную Вами наспех? – Сердито бросила Элизабет.

– Вы не понимаете, Вы ничего не понимаете. О если б Вы только знали..., тогда бы Вы не стали на нас сердиться, – удивительно мягким, до сели не знакомым голосом сказала миссис Фармер.

Толи от удивительной перемены в голосе смотрительницы, толи от съедающего любопытства, Элизабет остановилась. Она перевела сердитый взгляд на миссис, потом недоверчиво выдохнула и повернувшись обратно к креслу, снова осторожно присела на край, будто готовая тотчас же покинуть комнату от малейшего подозрения обмана, в предстоявшем рассказе собеседницы.

Глава 15. Экскурс в историю дома

Глубоко вздохнув и откинувшись на спинку дивана, миссис Фармер перевела печальный взгляд на окно. Её лицо смягчилось какой-то нежной, пронзительной грустью, а взгляд затуманили воспоминания:

– Много лет назад, когда я и мистер Фармер прибыли в это поместье в качестве смотрителей, нас провели по всему дому и парковой зоне приусадебного участка, знакомя с предстоявшей работой и обязанностями, которые нам следовало выполнять. Мне сразу понравился особняк, с его величественным убранством, богато декорированными помещениями и туманной историей. На тот момент я ещё даже не догадывалась, насколько туманную и мрачную историю хранит это поместье.

Поместьем владело семейство Гренвилл. Влиятельные и богатые люди своего времени. Муж Джонатан Гренвилл был человеком деловых качеств и ему часто приходилось предпринимать различные поездки. Его жена Оливия Гренвилл была весьма привлекательной дамой, в чем Вы уже несомненно убедились, познакомившись с этим портретом, – и миссис Фармер указала на висящий над камином портрет.

– Также, как Вы могли догадаться по-практически не тронутой изменениями детской комнате, у мистера и миссис Гренвилл была дочь Амелия. Милая девочка, обещавшая стать такой же красавицей как её мать, только вот этому не суждено было сбыться. Девочка была очень болезненным ребёнком и нуждалась в постоянном наблюдении врача. Она не дожила и до двенадцати лет. А ещё раньше скончался от непродолжительной болезни её отец, Джонатан Гренвилл, хозяин поместья. Вот и всё, пожалуй, что мы знали о хозяевах этого поместья, когда прибыли сюда.

Миссис Фармер глубоко вздохнула.

– Как я уже говорила, мне сразу понравился этот особняк, но мрачная атмосфера, тяготевающая здесь, слегка беспокоила меня. В дневные часы я успешно отгоняла неприятное чувство прочь, должно быть свет солнечного дня и мои обязанности по дому помогали мне в этом, но как только за окном наступали сумерки, беспокойство нарастало. Тени становились длиннее, а мрачный сумрак, заполнявший пространство залов и комнат, будто расползался из самых темных уголков дома, как страшный грех съедающий душу изнутри. Шли месяцы, один день сменял другой, за ночью ночь, приносившая новые тревоги, но ничего в действительности не происходило. Каждая ночь завершалась, как и предыдущая наступлением рассвета, дарящего новую надежду и новые заботы. Но в одну ночь, я уже не вспомню, когда это случилось в первый раз, я проснулась от непонятного шума, это был стук, повторяющийся стук, он доносился откуда-то сверху, с чердака.

При этих словах по телу Элизабет пробежала холодная дрожь, она сжала руки в кулаки и возбужденно воскликнула:

– Да-да, это же произошло и со мной. В первую же ночь, как только я сюда приехала. Была гроза и в шуме дождя я слышала еще какой-то звук, он не был похож на гром, это был размеренный стук. Сперва я не решалась выяснить причину этого шума, но потом собралась с духом и вышла в коридор. Когда я поднялась на чердак, то поняла, что источником неприятного стука было распахнутое слуховое окно, хлопающее от потоков ветра, я подошла закрыть его, но мое внимание привлекла какая-то надпись, нацарапанная на раме, я поднесла лампу поближе, как вдруг что-то заметила, промелькнувшее отражение за спиной, это был кусочек белой ткани. Я обернулась, но за спиной ничего не было. Тогда я произнесла: – Кто здесь? Но мне никто не ответил, и вдруг в глубине чердака, что-то зашуршало. Мне стало страшно, и я поспешила спуститься. За моей спиной что-то застучало по полу. Я так испугалась, что изо всех сил побежала в спальню и захлопнула дверь.

В комнате наступила пауза, обе женщины неподвижно сидящие друг против друга взволнованно смотрели. Затем Элизабет нарушила молчание:

– Скажите, как долго это продолжалось? И на сколько часто?

Немного подумав, миссис Фармер ответила:

– Это продолжалось практически каждую ночь, на протяжении всей службы здесь, лишь пару лет назад случаев стало меньше, а за полгода до Вашего приезда они прекратились вовсе. Мы так были рады с мистером Фармером, – миссис посмотрела на своего мужа и вздохнула с сожалением.

– Так вот почему с самого начала Вы не были рады моему приезду, – понимающе проворковала Элизабет.

– Нет, ну что Вы, просто мы опасались, что с Вашим приездом всколыхнутся старые раны этого дома, что и произошло. Понимаете, этот дом не любит новых людей, новые лица для него чужаки, которые нарушают его покой и врываются в привычное течение его безрадостной жизни своей свежей, живой энергией. К нам этот дом привыкал долгие годы...

– То есть Вы хотите сказать, что дом как бы живет самостоятельно? – удивленно спросила Элизабет.

– Нет, конечно нет. Дом не живет самостоятельно, но события, которыми пропитаны стены этого дома, дают о себе знать. Понимаете, этот дом будет всегда в тени тех событий, – немного смущенно произнесла миссис Фармер.

– Вы имеете ввиду связь миссис Гренвилл или смерть её мужа и дочери? – При этих словах миссис Фармер быстро выпрямилась в кресле и с оценивающим прищуром посмотрела на Элизабет:

– Я вижу вы не теряли время милочка, – несколько язвительно подметила смотрительница. – От Вас и вправду ничего не утаить, теперь я понимаю почему у Вас пропал дневник миссис Гренвилл, у этого дома просто не было выбора, и чтобы сохранить хоть остаток спокойствия для себя ему пришлось оставить Вас с носом.

Обе женщины улыбнулись. Затем миссис Фармер снова посерьезнела:

– Значит Вы многое узнали. Что же теперь будет, – задумчиво произнесла она.

– Что будет? – Переспросила Элизабет.

– Не знаю, что будет, – озадаченно ответила миссис Фармер. – Но ничего хорошего теперь не ждите, Вы сильно злоупотребили гостеприимством этого дома.

– Ничего себе гостеприимство, – хмыкнула Элизабет. – Этот дом с самого начала не был радушен со мной, как же тогда должна выглядеть враждебность.

– А Вы подумайте, напрягите фантазию, Вы же писательница, – немного холодно произнесла миссис Фармер, внимательно посмотрев на собеседницу. Элизабет стало не по себе. Слова смотрительницы зазвенели в голове. Чтобы отвлечься она перевела взгляд на кофейный столик и произнесла:

– А от чего умерла дочь мистера и миссис Гренвилл?

Сидящая напротив собеседница, очнувшись от своих раздумий перевела всё тот же внимательный взгляд на Элизабет:

– Я же Вам говорила, она была болезненным ребёнком.

– Да, но от чего она умерла? – Настаивала девушка.

Миссис Фармер перевела колеблющейся взгляд на портрет висящий над камином:

– Нуу, наверно от обострения болезни. Миссис Гренвилл конечно не могла смириться с её потерей и отказывалась верить в смерть дочери. Может тут ещё сыграли роль угрызения совести, ведь когда она увлеклась партнером своего мужа, то совершенно перестала заниматься девочкой. Упустила драгоценные моменты как говорится.

– Ага, значит «увлеклась партнером своего мужа», – подумала Элизабет. – Так-так-так, кажется беседа с миссис Фармер наконец начала приносить свои плоды. – Радостно подметила

девушка. Элизабет ничего не сказала миссис Фармер сделав вид, что знала кем был любовник Оливии Гренвилл.

– А что стало потом с мистером ..., как его там, партнером мистера Гренвилла?

– С мистером Джеральдом Колбертом?

– Купилась! – Подумала Элизабет. – Теперь я знаю имя любовника миссис Гренвилл. – Еле сдерживая радость продолжала думать Элизабет.

– Да-да, о нём что-нибудь известно?

– Значит об этом в дневнике Вы уже не смогли прочитать? – Хитро улыбнулась миссис Фармер.

– Если об этом было написано в дневнике, – обиженно заметила девушка.

– Да, действительно, если об этом там было написано, – согласилась миссис Фармер. – Я не читала дневника миссис Гренвилл и знаю всю эту историю из исторических очерков этой семьи. – Призналась миссис Фармер.

– Нет, он исчез также внезапно из жизни этой семьи, как и появился. После похорон мужа, миссис Гренвилл целиком посвятила себя дочери, в плоть до её смерти. А после трагической кончины девочки, доктора в связи с глубокой депрессией и нервным истощением матери посоветовали ей покинуть этот дом, дабы он не напоминал ей о безвременно ушедших дочери и муже. И через два месяца после похорон миссис Гренвилл уехала во Францию, там она и скончалась.

– Как грустно, – задумчиво произнесла Элизабет.

– Да, это действительно грустно, но это ещё не всё, – загадочным голосом заинтриговала миссис Фармер.

Элизабет широко распахнула глаза от удивления. От нетерпения она сжала руками колени. Помолчав немного, будто убедившись, что брошенная фраза возымела успех, миссис Фармер с таинственной искоркой в глазах продолжила:

– Когда миссис Гренвилл покинула этот дом, уехав во Францию, его сразу выставили на продажу, вместе со всей обстановкой. В течении трех лет дом безуспешно пытались продать, но его никто не покупал, о доме поползла дурная слава ещё в те времена. А затем в одно осеннее промозглое утро поверенный заехал в особняк по своим бумажным делам и обнаружил, что окно в доме разбито, а на террасе грязные следы. Всю предыдущую ночь бушевала гроза и окрестные дороги превратились в месиво. Когда обеспокоенный мужчина в компании с констеблем зашли в дом, они обнаружили на полу в холле у подножия лестницы мистера Колберта партнера мистера Гренвилла. Он лежал совершенно холодный рядом с разбитой бутылкой шотландского виски и от него разлило алкогольными порами, было совершенно ясно, что в грозовую ночь, этот пьяный безумец проник в дом разбив окно. Он видимо шёл по лестнице, но оступился и падая сломал себе шею. Все было ясно, одного никак нельзя было объяснить – когда его обнаружили лицо его было страшно искажено гримасой ужаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.